

АЛЕКСАНДР МАТВЕЕВ

ЗА ПТИЧЬЕЙ СТАЕЙ

Стихи, песни, переводы

АЛЕКСАНДР МАТВЕЕВ

ЗА ПТИЧЬЕЙ СТАЕЙ...

Стихи, песни, переводы

2012

В этом поэтическом сборнике читатель откроет для себя в творчестве поэта Александра Матвеева новые нотки, ранее не очень слышные, нотки. Наряду с любовной лирикой («Два мира – две страсти») здесь более широко представлены разделы духовной поэзии («За птичьей стаей»), пейзажной («В цветных картинках детство снится»), гражданской лирики («Весна зимы моей настала»). Неизменным остаётся интерес автора к литературному переводу. В книге помещены ещё не опубликованные переводы из английской поэзии.

Надеемся, что предлагаемый сборник привлечёт внимание читателей как уже знакомых с творчеством поэта, так и тех, кто впервые прочитает его стихи.

Вводное слово А.П. Торопцев

Научно-издательский отдел
Филологии и художественной литературы
Редактор Н.М. Мксименко

©Матвеев А.И., 2012
©А.П. Торопцев, вводное слово, 2012
© НПП «Издательство «Наукова думка» НАН
Украины, дизайн, 2012

ISBN 978-966-00-1188-5

**«СЕРДЦЕ,
ТЕБЕ НЕ ХОЧЕТСЯ ПОКОЯ...»
(О новой книге Александра Матвеева
«За птичьей стаей»)**

С птицами у поэтов и мудрецов особые взаимоотношения. Вспомним хотя бы такие факты из истории творчества. Одной из самых значительных работ Газали был «Трактат о птицах», основным произведением Аттара признана поэма «Беседа птиц», Навои написал поэму «Язык птиц», Гюльшехри – «Беседа птиц» (ответ на одноименную поэму Аттара).

А уж, сколько стихов посвятили поэты птицам!

Александр Матвеев – мореплаватель, повидал на своём веку разных птиц. Птичьи стаи, волны моря и неба, волны жизни отражены в его новой книге.

Разговор о ней мне хочется начать с Диогена Аполлонийского, который утверждал, что «мысли образуются в сердце». Мнениями древних мыслителей пренебрегать грешно, они были тонкими наблюдателями и ценителями жизни, в том числе и жизни людей и главной её субстанции – творчества.

Одно из стихотворений Александра Матвеева называется «Исповедь сердца», и, кажется, что автор сделал свой выбор в этом важнейшем для творчества вопросе. Не знакомый с прозой и поэзией (да и с переводами) Александра Ивановича человек может сказать и так: «Завтра автор может написать стихотворение «Разговор по душам», или «Осмысление жизни», или что-нибудь в этом роде». Но я читал книги Матвеева и могу с полной ответственностью заявить, что его «мысли образуются в сердце».

Невозможно не почувствовать сердечную ноту в стихотворении «Ты встал с утра не с той дороги?..», где автор советует читателю обратиться к Богу (а Бог – это Всё, это и Сердце, и Разум, Душа, и Всё остальное, взятое вместе и частями).

Стихотворения Александра Матвеева самоценны, как и должно быть. Но, несмотря на то, что каждый человек уникален, в людях, тем не менее, гораздо большего общего, чем частного. Как в общем всё, частное, уникально, так и частное неразлучно с общим. Другое дело, что наше всё иной раз долго-долго играет с нами в прятки, а некоторым людям оно вообще не раскрывается. Александру Ивановичу повезло. Он понял сердцем, познал разумом и почувствовал душой тайну мира в человеке и тайну человека в мире. Он себя почувствовал – немалое счастье для думающего поэта, для человека, способного исповедаться и пред Богом, и перед самим собой, и он сделал это без лишнего, но столь частого в подобных случаях, пафоса, честно, искренно. («Я видел мир, но был не зрячим...», «Всё будет так, как даст нам Бог...», «По дорогам Хмельничины» и другие стихи цикла).

В этом же цикле есть стихотворения, разбросанные, кстати сказать, по всему сборнику, которые мне ближе всего.

Украинских сёл примета

Хатки белые стоят.

Белизна белее света,

Белой радости парад...

Это – малая родина поэта, он помнит о ней постоянно, разве что в переводах Александр Матвеев не вспоминает её, мол, не тактично.

Зато уж в цикле «В цветных картинках детство снится» эта тема – заглавная. Иначе и быть не может! Детство и малая родина – синонимы. Что в детстве влилось в душу, то обязательно будет отзываться в сердце твоём и осмысливаться разумом твоим всю жизнь. Другое дело, что далеко не каждому человеку, и даже поэту дана крепкая память на запахи и вкусы детства, на страхи, радости и беды детские, на звук и цвет, на вкус и свет. Александра Матвеева Бог этим даром наградил.

В цветных криницах детство снится:
Журавль приметный над криницей
В раздумье праведном стоит.
И ласточки летают рядом,
И марево над летним садом,
Играя бликами, дрожит.

Или:

Рыжая белочка, кисточкой хвостик,
В небе среди веток мелькнёт.
Ежик к кому-то торопится в гости,
Вдруг предо мною замрёт.
Падает с дуба сорвавшийся листик –
Шорох и вновь тишина.
Серый воробушек пёрышки чистит,
Словно очнувшись от сна.

Вижу осеннего леса картины, -
Тают от мыслей в Антарктике льдины.

Он – там и здесь: он постоянно в детстве, серьезный человек, капитан дальнего плавания, многое переживший, перестрадавший, и ребёнок, не остывший от детства.

В цикле «Весна зимы моей настала» заметна попытка подвести итог очередного этапа бурной жизни. Конечно же, здесь, как и должно быть, есть и ностальгия, и возврат к детскому, к маминому слову, и малая родина, и Великая Отечественная война (а куда же нам без нее?!), и мотивы покаяния, и всё то, что вспоминают в минуты грустные пожившие и поработавшие люди, когда тянет нас на исповедальную мелодию сердца: она обычно минорная, не плаксивая, но минорная.

Совсем другое настроение вело по строке поэта Матвеева в следующем цикле «Два мира, две страсти сошлись». Любовная лирика! Вот уж где сердцу раздолье, где оно часто забивает (и правильно делает) холодную рассудительность и всепроникающую душевную строгость и боль души.

Ох, эта женская сила! Ох, кому ж её не знать, как не мужчине видному, человеку известному да, вдобавок ко всему, чувствительному поэту!

В этом цикле Александр Матвеев и восторгается, и признается, иной раз и в отчаянии, а то и в радости. В некоторых стихах мне чудится нечто от флирта, но то ведь сердце, ему не прикажешь, оно – непослушное!

Вновь спорят сердце в рассудок, -
И побеждает сердце вновь.

Но если говорить строго, то и здесь Александр Матвеев верен себя: он честен, но не груб, бескорыстен, но не заносчив, наивен, но не прост. Он настоящий. Мужчина, человек, поэт. И он имеет полное право и исповедаться, и сказать читателю словами великого Бабуря:

Я старше – мне учить, тебе – учиться, брат,
Лишь нынче понял я, что жизнь, как птица, брат.
Лови ее сейчас, люби сегодня милых,
Ведь завтра этот день не повторится, брат!

Логичным завершением сказанного является цикл «Жить иначе». Что это – вывод, мораль, напутствие, приговор своему прошлому? Нет! Это та же тема, исповедальная, но как бы «исповедь о будущем». И именно этим данный цикл интересен.

Если говорить о поэтике стиха Александра Матвеева, то нужно обязательно помнить о том, что поэт он «сердечный», что мыслит он сердцем. Со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Не так давно мало знающие люди говорили, желая пригвоздить какого-нибудь автора к позорному столбу, говорили: «Что вижу, то пишу – это не литература». Но дело не в том, что человек пишет, а как он пишет!

Александр Матвеев, повторю, пишет сердцем. «Что чувствую, то пишу». Однажды Джахиз сказал: «Лучшие из образов – те, что сердце постигает быстрее, чем выразит язык».

Исповедальный жанр часто мешает сердцу врываться в мир образов быстрее, чем то делает мысль, которая хоть и не самая быстрая сила в мироздании, но всё же быстрая. Да, исповедь накрепко связана с памятью, путающей ритмы сердца, а оно склонно к эмоциональному решению любых задач, в том числе и поэтических задач.

И нет ничего удивительного в том, что «сердечные поэты» не склонны к глубинным, сложно-метафорическим, книжно-символическим откровениям.

Зато уж ритмическое и мелодическое многообразие им свойственно, и этим-то богат Александр Матвеев. Недаром его стихи так полюбились композиторам и исполнителям.

И, я уверен в том, что новая книга стихов Александра Матвеева понравится многим читателям.

Александр

Торопцев

член СП России, доцент Литературного института им.

А. М. Горького

В ЦВЕТНЫХ КАРТИНКАХ
ДЕТСТВО СНИТСЯ

ПЕРВЫЙ СТИХ

Где тот мальчик, что с радостью в школу
Мимо леса и речки ходил?
Он в потрёпанной сумке холщёвой
Тайну детскую крепко хранил.
Тот же лес и, как прежде, устало
Речка воды несёт среди лугов.
Поседевшим мужчиной, немало
Повидав в жизни стран и миров,
Я сквозь годы иду грустно в школу,
Чтобы встретиться с детством своим,
А в потрёпанной сумке холщёвой,
Первый стих мой, поэзии гимн.

В цветных картинках детство снится:
Журавль приметный над криницей
В раздумье праведном стоит.
И ласточки летают рядом,
И марево над летним садом,
Играя бликами, дрожит.

Я жил в раю земном когда-то,
Я помню хлебный запах хаты –
С утра огонь в печи горит.
Зима, мороз, лошадка, дровни –
Я всё, что было, всё я помню,
Совсем не помню я обид.

В мечтах являлось мне иное:
Корабль и море штормовое,
Мир неизведанный пленял.
О чём мечтал, всё получилось,
Но почему же мне приснилось
То, что когда-то потерял?

Я слышу в музыке слова
И вижу птиц летящих стаи.
Росой омытая трава,
И робкий луч в росе играет.

В величье праведном текут,
Текут реки неспешной воды.
И будто вспять плывут, плывут
Давно растаявшие годы.

А море музыки бурлит,
И в нём живут воспоминанья.
Закатный день огнём горит
И в небе жаркое дыханье.

Возносит музыка меня,
И на волне своей качает,
То, отрезвляя, то пьяня,
Былое в сердце оживляет.

Там барабанный страшный гром,
И плач ребёнка сердце рвущий.
В глухом безмолвье отчий дом,
Исчез из дома хлеб насущный.

Я слышу в музыке слова
Любви рекою жизни смытой.
И нет живее божества,
Чем музыка души открытой.

ГОЛОС ПРОВИДЕНЬЯ

Не забуду я вовеки
Танец волн в разгуле диком.
Вспять текут, волнуясь, реки,
Страсти в небе огнеликом.

Скрип уключин слышу слева,
Справа – парус над волнами.
Вижу в небе образ девы,
Мир омыт её слезами.

Укоризненно и строго
Смотрит старец. Стрелы молний.
Вопрошаю в мыслях Бога:
«Ниспошлешь ли свет свой горний?»

Отступает всё плохое,
В небесах заря алеет.
Кто-то шепчет: «Я с тобою,
Я всегда с тобой, Матвеев».

Озеро. Утро. Лёгкий туман.
Птица считает года.
Солнечный луч скользнёт над водой,
И улетит навсегда.

Птица внезапно счёт свой прервёт,
Как поступить с тишиной?
Озеро, утро, лёгкий туман
В сердце навеки со мной.

С утра я слышу птичий щебет
И гул прибоя в отдаленье.
Восходит солнце в сонном небе,
Стирая прошлые сомненья.
Ушла вчерашняя унылость
Речей пустых, поступков детских.
Один лишь день – и всё забылось,
Простор в душе от мыслей дерзких.
И паруса вновь ветра полны,
И в неизвестность мчусь, как прежде.
И песнь поют крутые волны –
Мой гимн любви, мой гимн надежде.

Один лишь день с солёным ветром –
Что было тёмным, стало светлым.

ПРОВОДЫ ДЕДА

Светлой памяти Ф.Ф. Лещенко

Ничего нет на свете сегодня
Кроме сини, сияющей сини, –
Это стылое небо огромно.
На ресницах нетающий иней,
И ползут с гробом тихие дровни,
А за ними людей вереницы
На раскисшей от горя дороге.
На деревьях угрюмые птицы.

Было стылое небо огромно,
Растворялось в безоблачной сини...
И ползли бесконечные дровни,
На ресницах нетающий иней
И безмолвные чёрные птицы,
Невозможность раскисшей дороги,
И сельчан моих скорбные лица
В единенье с собою и с Богом....

Не забуду я плачущей сини, –
Дед в гробу и нетающий иней.

Смутное что-то внезапно покажется,
Сонное сердце в груди встрепенётся.
Мысли нежданные вяжутся, вяжутся...
Давнее чувство вдруг песней вернётся.

Кто-то в стране той придуманной встретится, –
Молнией вспыхнет в душе озаренье.
Фраза заветная вертится, вертится, –
Двери открою, теряя терпенье.

Светлой памяти Марты Лещенко.

И в детство память возвращает –
Просvirки, праздничный обед...
Былая радость оживает –
Милее счастья в мире нет.

Я жду вновь ветра дуновенья, –
Из церкви бабушка придёт.
Молитвы Божьей сила бденья, –
В невинный мир меня вернёт.

СТРЕКОЗЫ

В мареве летнем летают стрекозы,
Слюдяными сверкая крылами.
И плывёт неспешно сонное небо
Под космическими парусами.

Речка поёт мне забытую песню,
Оживляя давнишние грёзы...
Мир изменился, и я изменился;
В мареве снова всё те же стрекозы.

Нет... ничего, ничего не забыл я,
Но до чего же хрупки эти крылья.

Рыжая белочка, кисточкой хвостик,
В небе среди веток мелькнёт.
Ёжик неспешно торопится в гости,
Вдруг предо мною замрёт.
Падает с дуба сорвавшийся листик –
Шорох и вновь тишина.
Серый воробушек пёрышки чистит,
Словно очнувшись от сна.

Вижу осеннего леса картины, –
Тают от мыслей в Антарктике льдины.

«В городском саду играет духовой оркестр...»,

Из песни

Парк. И, как прежде оркестр играет,
Старый вальс снова душу тревожит.
Сердце юность свою вспоминает,
Годы жизни минувшей итожит.

Этот вальс, словно гимн поколенья, –
Восхищаюсь, печалюсь, ликую...
И опять с позабытым волненьем
Я как в юности с вами танцую.

Храм. Над куполом высится крест
В величавом и строгом молчанье.
Где-то в парке играет оркестр,
И я, юный, спешу на свиданье.

ВЕСНА ЗИМЫ МОЕЙ НАСТАЛА

МИНУТНАЯ СЛАБОСТЬ

Мир любви, чистый мир первозданности,
Дорог мне каждый снежный кристалл.
Поклоняюсь душой этой данности,
Понимаю душой, как устал.
Эту песнь снега белого свежести
В сердце стилом я долго хранил.
С этим чувством запрятанной нежности
Я полжизни в неведение жил.

Свет случайной, нечаянной радости, –
И минутной души моей слабости.

ЗИМНЕЕ НАСТРОЕНИЕ

Облака от стыда розоватые
Озарились последним лучом
Над сиротски притихшею хатою,
Над рекой, что молчит подо льдом.

Тишина – словно песня неспетая,
Не бывает больней тишины.
Рядом с хатой деревья раздетые
Может, видят вчерашние сны:

Как гуляли весной забубённою,
Как от песен дрожала листва.
Я бы спел нашу песню исконную,
Но стоят комом в горле слова.

Опустело село, поистратилось,
Что не двор – в сердце бьющий разлад.
В небе солнце угрюмое катится,
Полыхает печалью закат.

Облака от стыда розоватые, –
Тишина, тишина, тишина.
Невиновны всегда виноватые, –
Сиротинушка жизнь-сторона.

ПЕЧАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

войны

О селе Кунев Хмельницкой области, где до

проживало много евреев.

Влад Озимый

В соседнем селе проживали евреи,
Местечком прозвали в народе село.
Давид и Фаина, Ефим, Соломея,
Местечко с евреями дружно жило.

Война всех скосила. Евреев не стало.
Село по старинке местечком зовём.
Хоть нас, ребятню, по земле разметало,
Но с памятью доброй в сердцах мы живём.

Озимого Влада прозвали мы Беней,
А Мойшей Степана, шутя, нарекли.
Сегодня наш Мойша – компьютерный гений,
А Беня певцом стал родимой земли.

Издравле в селе проживали евреи,
Но зло сотворила с народом война.
Давид и Фаина, Ефим, Соломея,
И Беня, и Мойша... В сердцах имена.

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ВОЙНЕ В ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Всё дальше и дальше уходит война,
Но память в народе хранится:
Тот год сорок пятый. Победа. Весна
И счастьем омытые лица.
На стареньком фото отец молодой,
Домой он вернулся с войны той весной.

Пропал муж без вести, пропал,
Но вдруг вернёт его война...
Всю жизнь с надеждой прожила
И не вдова, и не жена.

А жизнь берёт своё всегда
И в этом нет её вины,
Но не забыть нам никогда
Их, не вернувшихся с войны.

И птицы даже на войне поют,
И чистые мечты в сердцах живут,
Порой взлетают к небу, ввысь,
И меркнет смерть, ликует жизнь.

Медали в коробке заветной лежат, –
Остались в наследство от деда.
Безмолвную память медали хранят, –
И горечь, и славу победы.

Пока солдат войны той чтим мы,
Пока их помним, мы едины.
И будет слава Украины,
И будем Господом хранимы,
Найдём мы к счастью сто дорог,
И будет вечно с нами Бог.

Жизнь моя, иль ты приснилась мне?
Сергей Есенин

Слово мне нужно, одно только слово!
Рядом чужие бесстрастные лица.
Падаю, падаю... Небо сурово,
Кружат и каркают чёрные птицы.

Жизнь моя, что же терзаешь ночами? –
Мамино слово я здесь не услышу.
С каждым днём ближе и ближе я к маме, –
В мыслях взлетаю всё выше и выше.

СКАЗ О ДЕРЕВНЕ

Рано утром приоткрою,
На моём окошке ставень
И услышу, как беседу
Сам ведёт с собою камень,
Что лежит под древним дубом
(Камень тоже очень древний).
Будет, может, вам не любимым
Сказ о нынешней деревне.

Камень видел и запомнил,
Что давно уплыло в Лету.
И плывут незримо волны
Сквозь столетия к поэту:
На коне в атаку скачет
Прадед мой – солдат служивый.
В старой хате дева плачет:
«Жду с войны живым, мой милый».
Два вола бредут далече,
У сохи мой дед серьёзный.
Хоть скатился в поле вечер,
Добывает хлеб он слёзный.
Край родимый защищая,
Пал солдат на поле брани,
Что ж история простая –
Муж погиб у бабы Мани.
Полдеревни не дождалось
Мужиков с войны суровой.
Жизнь ушла, и жизнь осталась, –
Ох, нелёгко хлеб их вдовий!
Трудно было, но с надеждой
Никогда не расставались.
Всё ушло, от жизни прежней,
Ничего-то не осталось.

По утрам росой живою
Плачет горько камень древний,
Сам беседа с собою:
«Нет, не та сейчас деревня, –
Нет веселья в жизни новой!
Что же с нами приключилось?
Где найти такое слово,
Чтоб надежда возродилась?»

Перепутал я, возможно,
Что поведал древний камень...
На душе моей тревожно,
Закрываю с дрожью ставень.

Дружбы мужской не приметно свеченье,
Голос далёкий негромко звучит.
В дружбе нет клятв, пустоты заверений, –
Словно костёр бесконечно горит.

Молча в костёр ты дровишек подбросишь,
Тихо беседу начнёшь исподволь.
Что-то не скажешь, о чём-то не спросишь –
Сердце отпустит, уляжется боль.

Взглядом одним ты заставишь поверить
В то, во что верить, нельзя никогда.
Дружбу мужчин невозможно измерить, –
Дружбу шлифуют года и года.

Солнце не греет, к закату клонится,
Дня отлетевшего чуточку жаль.
Друг мой далёкий мне ночью приснится,
Доброй беседой развеет печаль.

ПАВЛУ ДВОРСКОМУ

«Вітаю вас...», – я слышу в телефоне,
И растекается в душе моей тепло:
Я вижу луг, летят незримо кони,
На вороном всех впереди мой друг Павло.

Я слышу песни отзвуки далёкой,
Сметает музыка с души земное зло:
Бегут от сердца к сердцу биотоки, –
На сцене в Киеве поёт мой друг Павло.

«Вітаю Вас...», – я отворяю двери,
Сегодня мне, конечно, очень повезло:
О, Боже мой! Глазам своим не верю, –
В Москву приехал мой земляк и друг Павло.

ПОКАЯНИЕ

В тяжком сне мне нежданно приснилось:
Сахалин в бесконечных туманах,
Мир накрыла белесая сырость.
Встали в траурный ряд капитаны.

Капитан Александров, не вы ли
Улыбаетесь так иронично?
Мы, конечно же, вас не забыли,
Я пред вами робею привычно.

Капитан Заозерский с секстаном –
Педантичен, расчётлив, спокоен.
Где-то там, на звезде первоизданной,
Вспоминает он братство морское.

Глаз раскосый, смешливый и мудрый –
Разгулялись казахские гены, –
На Земле вы теперь неподсудны,
Сын степей капитан Сулейменов.

Появляются новые лица, –
Многих я, к сожаленью, не знаю.
Боже мой, может, это не снится?
Может, я бестелесно летаю?

Исчезают внезапно туманы,
Восторгаюсь бескрайним простором.
Предо мною стоят капитаны,
Смотрят строго, с печальным укором.

Я пред ними встаю на колени,
Но средь ночи в поту просыпаюсь.
Исчезают незримые тени,
Мы забыли их, – каюсь я, каюсь.
Я в чужих прегрешениях каюсь.

ПРОЩЁНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ

М.А. Романовскому

Прости, сосед, за то, что было,
Я пред тобою виноват:
Не то сказал, не то подумал,
Смеялся как-то невпопад.
Я не судья тебе, ты знаешь,
Ты не монах, я не бандит,
Я не украл, ты не ославил,
А, впрочем, Бог грехи простит.
Ах, помолчим, давай, как прежде...
О чём? О жизни, что прошла,
Что мы не предали друг друга,
Что мы в душе не держим зла.

Трёх лет от роду внучка Лиза,
Соседский ангел во плоти,
Вдруг со слезами произносит:
«Ты тоже дедушку прости».

ВОСХОД В МОРЕ

Возникло зарево по курсу корабля
В ночи безлюдной, в пустоши морской.
И закричал с надеждой рулевой:
«Огни! Огни! Мы спасены! Земля! Земля!»,
Но это был спасительный восход.

И стал оправданным вчерашний риск, –
Горело море, горизонт горел...
Я в удивленье словно онемел –
Из моря вдруг поднялся в небо красный диск,
И это был спасительный восход.

Прошли года, прошли, как будто, сотни лет,
А зарево не позабыть никак.
Рассеялся неверья страх и мрак,
С тех пор в душе моей тот неизбывный свет,
Горит в душе спасительный восход.

ОХОТСКОЕ ПОБЕРЕЖЬЕ САХАЛИНА

1. ЛЕБЕДИНЫЙ КРАЙ

Сторона моя медвежья,
Край заветный, лебединый.
На Охотском побережье
Море дикое пустынно.

Гордо свадьбы птицы правят
Средь последних льдинок хрупких,
А в земном горниле плавят
Люди судьбы в масках жутких.

Сумасшедших денег мифы
В пьяных рассказах витают
И в сгоревшей песне рифмы
Над пожарищем летают.

Мир контрастов – явь – жестока:
То трясёт, то ветром глушит,
Провиденье спорит с роком,
Страх и ложь сковали души.

Год пройдёт – и к нам вернётся
Лебедей подросших стая.
Их, надеюсь, не коснётся
Страх людской и ложь людская.

2. ДРУЖЕСКАЯ ПОПОЙКА

У реки следы медвежьи
И обглоданные кости.
На Охотском побережье
К другу мы явились в гости.

Наслаждались рыбной снедью, –
Друг накрыл нам стол богатый.
А над морем яркой медью
Солнце плавилось в закате.

Возвращались мы с попойки,
Три бродяги жизнью тёртых:
«Эх, добраться бы до койки!», –
Друг рыбак наш круче чёрта:

Пьёт вино и любит женщин
И с судьбой играет в карты.
Денег больше – денег меньше, –
Жить не может без азарта.

На Охотском побережье
На морозе мёрзнут сосны,
На Охотском побережье
Мир застыл в величье грозном.

ЗА ПТИЧЬЕЙ СТАЕЙ...

Ты встал с утра не с той ноги?
Иль не послал улыбку Небу?
Друзьям забыл отдать долги?
Оставил ближнего без хлеба?

Ведёшь неправедную жизнь?
Других грехов скопилось много?
Возьми и Богу помолись
И, может быть, услышишь Бога.

Бывают великие в жизни мгновенья –
На крыльях любви ты сумел бы взлететь.
Случаются в сердце тревоги, сомненья, –
Не хочется жить и нельзя умереть.

Мы знаем, что всё нам ниспослано свыше,
Но можно, но можно поспорить с судьбой.
И Небо увидит, и Небо услышит,
И Небо поможет в ладу быть с собой.

Я плачу, – мне снится увечная птица, –
Взлететь безуспешно подранок стремится.

Исчез угар, отходит лето,
Лечу я вслед за птичьей стаей...
Во сне себя я вопрошаю:
«За что? Зачем тебе всё это?»

И снова твердь... Навстречу пеший, —
Любви незримой вижу волны,
И голос чудный тихо молвит:
«Никто из смертных не безгрешен...»

Во сне догнал я птичью стаю,
А сон воскресный мой растаял.

И птицы – не птицы,
Летать разучились.
Есть люди – как будто
С крылами родились.

Их воля всеильна,
И ум словно бритва.
Им небо доступно,
Их сила в молитве.

Пред Богом Всевышним
Покорность, смирение.
И в помыслах чистых
Ни капли сомнения.

Им словно в награду
Страдания земные.
Уходят на небо –
Чтим лики святые.

Несчастные птицы
Летать разучились.
Крылатые люди
С молитвой родились.

Я видел мир, но был незрячим,
Я слышал мир, но был глухим,
Я пил, охотился, рыбачил,
Гулякой тоже был лихим.

Но ничего-то я не видел,
И слышать ничего не мог.
Неверьем сам себя обидел,
Невинность сердца не сберёг.

Я думал, это есть мой жребий.
Грешил, замаливал грехи,
Но дал мне Бог услышать Небо,
Но дал мне Бог узнать стихи.

И жизнь земная изменилась,
Мой мир другим навеки стал.
Поэтом быть – такая милость!
Как много раньше я терял!

Теперь душой я слышу, вижу, –
Душа... она ведь к Богу ближе.

Пал на землю луч закатный,
Запах свежий, неземной.
Потерялся безвозвратно
Я, оставленный судьбой.

То пешком, то на телеге,
То ползу, а то лечу.
Я души усталой негу
На Земле найти хочу.

Колесо в пути сломалось,
Конь уставший тихо пал.
Всё, о чём давно мечталось,
Всё я в жизни растерял.

Но вперёд стремлюсь упрямо,
В сердце теплится огонь.
Предо мной – ворота Храма,
На челе любви ладонь.

Свет незримый ниспадает,
Не закончен путь земной.
В небе звёздочка сияет –
Не оставлен я судьбой.

КНИГА ВЕЧНАЯ

Монахине Матроне (Марине Болдиной)

Пред тобою книга вечная,
Строки чёрно-белых слов.
Ты – страдальца сердечная,
Льётся свет твоих стихов.
Чистота невинных помыслов,
В строках спрятанная боль.
Ведом сердцу Божий промысел
Пробуждать стихом любовь.
Я читаю Книгу вечную
И пишу свои стихи.
За тебя молюсь, сердечную,
А со мной грехи, грехи.

Свеча горит и, тихо тая,
Сойдёт со временем на нет.
Как счастлив тот, кто, улетая,
Сумел оставить людям свет.

НОЧНЫЕ МЫСЛИ В ГРОЗУ

Льют дожди, и нет покоя,
Не сдержать поток реки,
Унесло слепой судьбою
Розы нежной лепестки.

Унесло красу потоком,
Куст безрадостный поник.
В небе дальнем и высоком
Вдруг увижу светлый лик.

С тихим трепетом губами
Я к иконе прикоснусь.
И беззвучными словами
В сердце Богу помолюсь.

Будет солнце, будут грозы, –
Мчится времени поток.
Расцветёт весной роза,
Всё вернётся, дайте срок.

Я как-то утром видел чудо:
Проснулось море до восхода
В своём величье, сонном и ленивом.
Вода небесно-голубая,
А под водой на мелководье
Застывший водами песок.
Пугливых мелких рыбок стая
В воде мелькнула и исчезла...
Я тем же утром видел чудо:
Над горизонтом всплыло солнце –
Багряный шар до странности огромный...
Ночной мой страх совсем растаял,
И море радостью светилось
Что посылали небеса.
Пугливых райских птичек стая
Вспорхнула в небо и исчезла.
И где-то там, за горизонтом,
Где солнце прячется ночами,
Куда, я верю, птицы улетают,
Где чудеса живут, я знаю,
Свободной сущностью на воле
Любовь заветная живёт.
Пугливых мелких рыбок стая
Над морем птицею взлетает
И ... исчезает,
А я с мечтою остаюсь.

Украинских сёл примета –
Хатки белые стоят.
Белизна белее света,
Белой радости парад.
К Пасхе всё скребут и чистят,
Белят яблони в садах, –
Прошлогодние жгут листья, –
Возрождают свет в сердцах.
Украинских сёл примета –
В небе белые дымы.
Пахнут свежестью рассветы,
Вытесняя царство тьмы.
Белы тучи, солнце бело,
В мире главный – белый цвет.
Время радости приспело,
Лучше Пасхи дня и нет.
Украинских сёл примета –
Бесконечность белизны.
Белизна белее света, –
Взрыв ликующей весны.

Всё будет так, как даст нам Бог,
Не суетись, не суетись.
Твой путь один, но сто дорог, –
Не ошибись, не ошибись.

А это значит – будь собой!
Гордыни воли не давай.
Живи в согласии с судьбой,
И сам, конечно, не плошай.

В НЕБЕ ВНЕЗАПНО СГОРЕЛА ЗВЕЗДА

СТАРЫЙ ЯКОРЬ

На приусадебной лужайке,
От всех морских путей вдали,
Стоит средь роз в молчанье якорь,
А где-то в море – корабли.

Он так устал от жизни праздной!
Не нужен якорю покой.
В мечтах он песнь морскую слышит,
Навстречу – ветер штормовой.

Мужчина в кителе потёртом,
На якорь смотрит из окна.
Всё было в жизни – юность, море,
Остались лишь осколки сна.

Стоит в молчанье старый якорь,
Вдыхает запахи земли.
Не надо нам земного рая,
Ведь где-то в море – корабли.

АННЕ АХМАТОВОЙ

Ты опоздал на много лет,
Но всё-таки тебе я рада.

Анна Ахматова

По обновлённому Арбату
Я шёл. Дрожал весенний свет.
Восторг от встречи, боль утраты –
Я опоздал на много лет.
И полюбившиеся строки
Я в исступленье повторял.
Жизнь – бесконечные уроки.
Я многих тоже принимал
За ту, кого нигде не встретил,
За ту, кого так долго ждал.
А мне шептал весенний ветер:
«Ты опоздал! Ты опоздал!».
И полюбившиеся строки
Я бесконечно повторял.

ТОТ САМЫЙ ПАРК

В осеннем парке стыла тишина,
Печально падали в глухом безлюдье листья,
Явился ты – в любви несдержан и неистов,
И я с тобой пьянела без вина.

Александр Родин

Тот самый парк,
Но тишина другая,
Не звонкая,
Как прежде, а чужая.
Деревья спят,
Пусты, глухи аллеи.
Тот самый парк,
Но словно он болеет.
Вдруг аромат
Настиг меня волною
И всё вернул.
Я ветку колкой хвои
Отчаянно
Дыханьем согреваю,
Погибшую любовь
Любовью возрождаю.

Но запах вдруг
Вернул меня с тоскою
Из прошлого.

Памяти Марии Башкирцевой

Наедине с листом бумаги,
Сама с собой наедине...
Ещё пример печальной саги –
Судьба, сгоревшая в огне.

Огонь немислимых мечтаний,
Девичьей тайны, робких грёз.
Огонь надуманных страданий,
Незамутнённых ложью слёз.

Она и верит и не верит,
Что над судьбой витает рок...
Ещё чуть-чуть... В мир славы двери
Судьба откроет, – дайте срок.

И ради этого мгновенья
Гореть, трудиться и страдать!
И прочь стенанья, прочь сомненья!
Но поздно ей триумфа ждать.

А что ж любовь? Душа девичья,
Любви не зная, скромно ждёт;
В плену морали и приличий,
В плену условностей живёт.

Дневник, дневник... Твои страницы
Хранят мечты девичьей след.
В ночи при свечке тают лица, –
И мотыльки летят на свет.

ПАМЯТИ ЕВГЕНИИ МИРОШНИЧЕНКО

Так поёт она, что сердце не может
Слушать без волнения и без слёз
Голос далёкий.
Кажется, что вижу её, о Боже!
В свете летящих немеркнущих звёзд,
В небе высоком.

Певчие птицы на деревьях молкнут,
И земную ось напряженье рвёт –
Песнь в апогее.
Слушая, плачу один втихомолку, –
Голос звезды из Вселенной зовёт,
Небо светлеет.

В бездонной Вселенной миры исчезают
И звёзд бесконечная там круговерть.
Рождаются звёзды и звёзды сгорают, –
Соседствует с жизнью всеильная смерть.
Но память людская не может исчезнуть,
Прислушайся! – голос услышишь из бездны.

МОСКВА, АВГУСТ 2010

Памяти Вадима Вильготы

Жара, невыносимая жара,
И нестерпимый запах дыма.
Пришла незваную печаль с утра
С лицом без маски и без грима.

Печаль повисла над Москвой с утра,
Что человек с ней сделать может?
Жара, невыносимая жара...
Но почему ж мороз по коже?

Памяти капитана дальнего плавания
Олега Бычкова

Я другу мог в любое время позвонить,
Всё было недосуг.
Разорвалась внезапно жизни нить, –
Ушёл навеки друг.

Осенний день и небо слёзной мокротой
Затянуто с утра.
Звоню, – не верю я: ошибка! Друг живой!
Не умер он вчера!

И слышу я знакомый голос в тишине, –
Звонит мне старый друг!
Но сердце вещее нащёптывает мне:
«Подвёл тебя твой слух».

Встречались редко. Я себя корю,
И в мыслях часто с другом говорю.

НЕСБЫТОЧНОЕ

И вдруг над родиной печальной
Раздастся гром колоколов,
И эхо песни величальной
Достигнет горних облаков.

И грянет гром, и ливень хлынет, –
Неправду смоёт прочь поток.
Земля горевшая остынет
И сгинет ненавистный рок.

И лгать не станут властелины,
И, может, совесть обретут.
В том мире чистом и невинном
Все люди праведно живут.

ПИСЬМО В КИЕВ

Александрю Балабко

России боль, боль Украины
Вошла и в кровь твою, и в плоть....
В который раз нечистый клином
Стремится дружбу расколоть.

Что делать нам? Куда деваться?
Предать былое? Разлюбить?
От верной дружбы отказаться
И всё что было, позабыть?

Ты в детстве жил на Сахалине,
И я – в России с юных лет.
Кресты могилки – в Украине,
В душе – любви нетленный свет.

Люблю Шевченко стих певучий,
Тебе, я знаю, Пушкин мил.
Днепр величавый, Днепр могучий,
Навек нас в вере породнил.

ГАЛИНЕ КАЛЮЖНОЙ

А нам лететь, ещё лететь,
К звезде далёкой на пути мы,
Уйдёт метелей круговерть –
Вы Божьей милостью хранимы.

И песни юности вам петь,
И подпевать вам будут птицы...
Огнём поэзии гореть,
И озарять вновь песней лица.

И рядом с вами мы летим,
И свет звезды нас вдохновляет.
Пройдёт немало снежных зим
И эта тоже исчезает.

С зимой исчезнет боли след,
Всё в водах вешних растворится, –
До нас так было сотни лет,
И после нас жизнь повторится.

Огней над нами кружева,
Друзья, родные рядом с вами.
Молитвы чистые слова
Шепчу дрожащими губами.

ТИБЕТ, ТИБЕТ...

Тибет, Тибет!

Ты – мир, которого не знаю,
Ты – мир, которого боюсь.
О, сколько тайны в этих звуках,
Легенд, загадок и любви!
Ты – мир, который увлекает,
Ты – мир, который отторгает, –
За гранью наших знаний мир.

Тибет, Тибет!

По леденистому наклону
К глубокой пропасти скольжу.
За камни острые цепляюсь,
К вершине солнечной стремлюсь.
Там непонятное понятно,
Там невозвратное возвратно.
Там ключ к великой тайне тайн.

Тибет, Тибет!

Навстречу мне колючий ветер,
Навстречу мне небесный свет.
По горным тропам караваны
Идут, из прошлого идут.
Моя любовь и вдохновенье,
Моя мечта, моё сомненье –
Мой неизведанный Тибет.

Волчицей потерянной рыскает
Луна среди седых облаков.
Зарю беззастенчиво тискает
Влюбленный поэт Матюков.

Пригрезилось время беспечное,
Когда он красив был и юн.
И пели романсы сердечному
Десятки восторженных лун.

Но луны состарились, вымерли,
Гуляет волчица одна,
С отвисшим от старости выменем
Последняя в небе луна.

А память, а память осталась,
И снова влюбляться готов,
Послав в преисподнюю старость,
Влюблённый поэт Матюков.

Поэты – посланники неба,
Творят в окружении муз.
Ни злата не нужно, ни хлеба
Ни тяжких супружеских уз.

Поэт в исступлении тискает
Зарю молодую без слов.
Волчица потерянно рыскает,
Несчастен поэт Матюков.

ДВА МИРА – ДВЕ СТРАСТИ

СЕРДЦЕ НЕ ОБМАНЕТ

Когда внезапно грусть нагрянет
В чужой ненастной стороне,
Я знаю – сердце не обманет,
Спрошу его, что делать мне?

И сердце чуткое подскажет
То, что уму и невдомёк:
«Храни судьбы своей поклажу,
Ведь в ней истоков всех исток».

И детских лет воспоминанья
В который раз я оживлю –
Село, где радость и страданья,
Всё, что любил и что люблю.

Пройдусь по памятной дороге
Средь незатейливых цветов
И поклонюсь я маме в ноги,
И песнь душа споёт без слов.

Но слышу голос укоризны:
«Ты виноват, себе не лги...»
Я знаю, что до самой тризны
Мне не вернуть селу долги.

Мой друг, одна ты во Вселенной,
Как светоч тайны сокровенной.

ЕЩЁ РАЗ О ЛЮБВИ

Любовь бывает разная:
Отчаянно-заразная,
Короткая и вечная,
Серьёзная, беспечная.
Любовь бывает строгая,
Великая, убогая,
Бесстыдная, ретивая,
Слеза благочестивая,
Судимо не судимая,
Хранимо не хранимая,
Капризная до странности,
Предмет случайной данности.
Земная, невозможная
Любовь моя тревожная,
Льняная, золотая,
Всегда своя, родная.

И сердце смущеньем объято,
И взгляды мы прячем с тобой,
И дружба исчезла куда-то,
И душу терзает любовь.

Нам стало теперь невозможно
Коснуться рукою руки.
В шестнадцать всё сложно, так сложно –
Два берега юной реки.

Река никогда не позволит
Сойтись у воды берегам,
И мы оказались в неволе
У дружбы, приснившейся нам.

Но мост над водой перекину,
И дружбу в любви сберегу.
В груди бьётся сердце мужчины,
К тебе по мосту я бегу.

И радостью сердце объято, –
Мы взгляды не прячем с тобой,
Смущенье исчезло куда-то,
А с нами ликует любовь.

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ НОВОГО ГОДА

Ты первый раз одна с любимым.

Анна Ахматова

Фейерверков остатки,
На снегу мишура.
Торжество беспорядка
И улыбка с утра.

Кожура мандаринов,
Перевёрнут бокал.
Прелесть песни старинной –
Сердце рвущий вокал.

Стон ликующей скрипки
В опьянённых глазах.
Хрупкость тонкой улыбки,
Откровенность в стихах.

Первый день. Неизвестность.
Будут новые дни.
Начинается Вечность –
В первый раз мы одни.

На гребне вздыбленной волны,
Небес, касаясь головой,
В мир неизвестности я мчусь.
За облака рукой держусь...
Мне сон приснился не простой:
Рвал парус ветер штормовой,

На гребне вздыбленной волны
Держусь я, падая, держусь
И сам себе кричу: «Вперёд!
Тебя любви награда ждёт!»
Всю жизнь стремглав куда-то мчусь, –
Когда же глупый я проснусь?

Земная жизнь – она огромна,
Но что мы есть во всей Вселенной?
Ничтожно малые крупинки
Великой вечности нетленной.
Любовь – твой путь в движенье вечном,
Иначе будет жизнь неполной.
И вновь бегут... бегут незримо
Твоей любви огромной волны.

ЭЛЕГИЯ

(Подражание Н.М. Языкову)

Любовью юной упоенный,
Не нахожу себе я места.
Брожу лунатиком смущённым
И жду свидания с невестой.

От счастья сердце замирает,
Услышав песнь моей певицы.
И соловей в ночи смолкает,
И в небе бьют салют зарницы.

И я лечу любви навстречу,
Душа восторженно ликует.
Коварный месяц стрелы мечет,
Заря к сопернице ревнует.

И эта тайна миром правит,
И свет её над нашим садом.
Мою невесту песня славит,
Любовь всегда со мною рядом.

ПОДРАЖАНИЕ ПЕТРАРКЕ
(сонет)

Сравнил тебя я с юною звездой,
Ты ярче всех сверкающих светил,
Сонет тебе невинный подарил, –
И любовался лишь твоей красою.

Когда Амур отравленной стрелой
Меня внезапно в сердце поразил,
Я, выбиваясь из последних сил,
Вступил в неравную борьбу с судьбою.

Испугано я от тебя бежал,
Чтоб избежать твоей любовной власти.
Но действовал неумолимо яд

И бесконечно плоть мою терзал,
Что может быть сильнее жгучей страсти!
Создаст она и рай земной, и ад.

«Спасибо – да, спасибо – нет».
Ах, до чего ж вы лаконичны.
Вопрос – ответ, вопрос – ответ,
И взгляд надменно-безразличный.

Не верю я словам скупым,
И напускному безразличью.
Притворство тает словно дым,
Я вижу искренность девичью.

Незримо-трепетная нить,
Прозрачно-хрупкий мир хрустальный...
Кого же мне благодарить
За то, что вдруг открылась тайна?

Быть может, я придумал вас?
Быть может, просто показалось?
Благословен тот день и час,
Когда мне счастье повстречалось!

БЕЛАЯ ШАЛЬ С КАЙМОЙ

На прощанье шаль с каймою
Ты на мне узлом стяни.
Как концы её, с тобою
Мы сходились в эти дни
Яков Полонский

Грусть вдоль речки бродила
В белой шали с каймой.
То, что в сердце хранила,
Смыло вешней водой.

По воде, да по речке,
Милый в лодке уплыл.
Золотое колечко
Невзначай уронил.

Только шаль и осталась
От любви той шальной.
В сердце жгучая жалость –
Раны след неземной.

Время раны излечит,
Унесёт грусть водой.
Снова девичьи плечи
Шаль покроет с каймой.

Он розе наивной без устали пел
И роза цвела и цвела.
Но время пришло, соловей улетел.
Такие, сестрица, дела.

ИСТОРИЯ В МОНОЛОГАХ

1. Монолог Казановы

Любовь всего на свете выше,
Возносит к горней нас вершине,
Любовь эфиром счастья дышит,
Она – оазис для мужчины.

По небу облаком летает,
Грохочет в сердце чистым громом,
Любовь ненужный стыд стирает,
Взрывая ночь счастливым стоном.

Влюбляюсь снова, снова, снова,
Не изменить мою натуру.
Непревзойдённым Казановой
Опять влетаю в авантюру.

Силки плету я в мире странном,
Для красоты неискушённой.
Даю уроки неустанно,
Как стать любимой и влюблённой.

Я никогда не притворяюсь,
Я женщину обожествляю,
И расстаюсь, и вновь влюбляюсь,
В любви я сам себя не знаю.

Брожу по свету одиноко,
Я – победитель побеждённый.
И верю, «там, в стране далёкой»
Найду себя навек влюблённым.

Любовь незрима и объёмна,
Она и боль, и сгусток страха,
Любовь чиста, любовь нескромна,
Она – мой мир, – восторг и плаха.

2. Монолог ханжи

Меня любовь уже достала,
Она мешает всем нам жить,
Её бы скинуть с пьедестала,
Её бы лучше запретить.

Зачем терзать гитары струны?
И время зря своё терять?
И бесполезно ночью лунной
Средь бледных звёзд любовь искать?

А размышления про это
Совсем неопытных юнцов...
Любовь придумали поэты,
Комедианты без мозгов.

Откуда этот Казанова,
Грехопаденье без стыда.
Первично в нашей жизни слово,
Любовь ведёт нас в никуда.

А посему семью крепите,
Пред сном молитесь натошак.
И женщин падших не любите,
Чтоб не пропасть и вам за так.

3. Монолог девушки

И что мне проповедь пустая,
Чему научит лицемер?
Ханжа брюзжит, любви не зная, –
Сама открою в тайну дверь.

Молюсь за вас я, Казанова, –
Беспутный мой! Ах, где ж вы есть?
Вы мой герой, я вам готова
Отдать и жизнь свою, и честь.

Я душу настежь открываю,
Пусть миг любви длиною в жизнь!
Нравоученья забываю,
И улетаю с вами ввысь.

ЖЕНИХ ДЛЯ АЛЁНЫ КАРАСЬ

– Я не понял, не расслышал, –
Как фамилия певицы?
– То ли Щука, то ли Стерлядь,
То ль какая-то Шутиха,
Но поёт на сцене лихо.
– Кто же это?
– Тихо...
– Ась?
– То – Алёночка Карась!
Нож, как будто, в подреберье
Мне всадили. Несерьёзно...
И трагично, и курьёзно, –
Не видал я, отродясь,
Чтоб на сцене пел карась.
Мне теперь Алёна снится
Незамужнею девицей.
Нужен муж, красавец князь,
Чтоб с фамилией былинной,
И чтоб замок был старинный,
Чтоб орлом был, А карась...
Ну, какой он, к чёрту, муж?!
Мелковат он и не дюж.
И с фамилией такой
Ей в Париже или в Вене
Не блистать на яркой сцене.
Потому породу рыбью,
Из неё, простите, выбью.
Рыбой быть ей не годится,
Жить Алёне за границей,
С кем? Пока что не скажу,
И язык свой прикушу.
Но намёк шепну на ушко
Я Алёниной подружке:
«Женишок иной породы:
Князь не князь, но любит воду».
Всё! Болтать я завязал,
Что хотел, то и сказал.
«Тсс...».
Но терпеть? Нет хуже муки!
Не карась он и не щука.
«Тсс...».
Пророню всего три слова:
«Он известный Казанова».

Кот кричит, собака брешет,
Овцы блеют в закутке.
Жёлтый месяц пузо чешет,
Чёрт купается в реке.

Кружит в небе ведьма лихо
На березовой метле.
Пляшет тощая чертиха
На покрытой мхом земле.

Прекратить во сне пытаюсь
Этот форменный бедлам.
Через силу просыпаюсь,
Я дурным не верю снам.

Жизнь в тот день пошла насмарку,
Повалилось всё из рук.
В прах разбил я иномарку,
И жену увёл мой друг.

Но теперь живу свободно,
Верю в каждый новый сон.
На авто катаюсь модном
И чужих люблю я жён.

Как-то девицу младую
Повстречал ночной порой.
Кто б увидел, как танцую
Я с красавицей нагой!

Корчил рожи месяц пьяный,
Чёрт, как чёрт, был очень зол:
Я чертиху, как не странно,
От него легко увёл.

Кот мурлычет, пёсик служит,
Овцы спят в ночном хлеву.
Мне теперь никто не нужен, –
Сам с собой в ладу живу.

В СЕРДЦЕ КУРАЖ

Оля и Света – дева и небыль, –
Кто из них лучше? Мне не понять.
Ноги от неба, плечи от неба,
Зубки сверкают – что тут сказать!?

Ведьмы – не ведьмы? Или модели?
В мыслях смятённых в пропасть лечу.
Пили – не пили, ели не ели,
Что нам весёлым! – всё по плечу.

Землю шатаю, небо шатаю, –
В сердце бурлит кипящая кровь.
Я отпадаю! Я улетаю!
Вот что такое страсть и любовь!

Света и Оля, Оля и Света, –
Ветер в карманах, в сердце кураж.
Нет больше солнца, нет больше лета, –
Девы исчезли словно мираж.

ПОСЛАНИЕ МАДАМ ТОМСКОЙ, НАВЕЯНОЕ СТАРОЙ ФОТОГРАФИЕЙ

М.Т.

И пальцы нервные терзали
Края прелестного саше.
Слова как будто бы в провале,
Исчезли в раненой душе.

А рыцарь, цокнув каблуками,
Изобразив полупоклон,
Стоять остался в тонкой раме,
Сверкая золотом погон.

Я вижу их на старом фото –
Чужая жизнь в провале лет.
Незримо здесь летает что-то,
Незримый льётся с неба свет.

Вам, дорогая, не хватает
Для пущей важности саше.
Ничто над вами не летает,
И нет любви в слепой душе.

И с дамой нервной вы не схожи, –
Не научились вы страдать.
Молчание ваше сердце гложет, –
Мадам, довольно же молчать.

ПОЭТ, ЛЮБОВНИК, МУЖ

N.N.

Секса страстного поборник
Тень наводит на плетень:
Спит с любовницей во вторник,
А с супругой каждый день.

Кем приходится супруга?
Не любовница она:
Просто верная подруга,
Просто честная жена.

Но зачем ему интриги
И любовница зачем?
Неподъёмные вериги –
Для чего ему гарем?

В жизни странной и затратной –
Муж, любовник – вот сюжет!
Просто малый наш занятный,
Мот, гуляка и поэт.

ПЕСНИ ЛЮБВИ

1. Песня мужчины

На траве серебрится искрящийся иней...
Это было давно, в позабытом году,
Я иду по дорожке с соседской богиней,
Я с любовью моей в неизвестность иду.

Сколько было ей лет? Может быть, восемнадцать.
С неба лился любви непрерывный поток.
Столько раз мне потом приходилось влюбляться,
Безответности той не забылся урок.

На траве серебрится искрящийся иней,
Как тогда, в позабытом, но светлом году,
По дорожке иду с повзрослевшей богиней,
Я опять в неизвестность с надеждой иду.

2. Песня девушки

Что для счастья нам, девушкам, нужно? Немного:
Чтоб любовь настоящая рядом была.
Я иду по дорожке с земным полубогом,
Столько лет я свиданья с любимым ждала!

Я люблю, я люблю, тайна небу известна,
Разукрашена инеем нежным трава.
Нарекает меня полубог мой невестой,
На зелёной траве серебрятся слова.

3. Песня двоих

Серебряная свадьба и первое свиданье, –
Глаза без слов всё говорят.
Серебряная свадьба и первое признание,
Любви и нежности обряд.

С тобой, со всей Вселенной я в раздоре,
Терзаюсь мыслями, себя казня,
Я не в ладу с собою, в вечном споре,
Наверно, нет несчастнее меня.
Но твой звонок... Весна наступит скоро!
Наверно, нет счастливее меня!

НО Я ЛЮБЛЮ...

Смеясь, ты говоришь, что я чурбан,
Бесчувственный чурбан, кому
Страданий сердца не понять.
А я люблю, без памяти люблю.
Шутя, ты говоришь: «Мой капитан,
Возьми меня в свои моря!».
Душа безмолвная поёт, –
Тебя люблю, без памяти люблю.

Прощаясь, тихо говоришь: «Пока...»
Целую щёчку на ходу,
И поглощает тебя ночь,
А я люблю, без памяти люблю.
Прошли с тех пор как будто бы века,
И ты давным-давно не та,
И стали мелкими моря,
Но я люблю, тебя одну люблю.

Нет, нельзя рябине
К дубу перебраться!
Иван Суриков

Не смею, не смею, не смею
Слова о любви говорить.
Не может рябина, не может
Могучего дуба любить.
Огромная крона закроет
И небо, и солнечный свет.
Не может жить дуб без рябины
И жизни рябине с ним нет.
Не смеет, не смеет, не смеет
Напрасно влюбляться поэт.

Но сердце не может сдержаться
И я продолжаю влюбляться.

На летней веранде
Вечерней порой
Был запах лаванды,
Пел песню гобой.

И счастью, казалось,
Не будет конца.
Но вдруг оборвалась
Песнь чудо-певца.

И запах лаванды,
Стал вязко тяжёл.
И праздник с веранды
Незримо ушёл.

Но в сердце осталось,
Как пел нам гобой.
И жалость, и жалость
Катилась слезой.

Где радость кипела,
Висит тишина.
На скатерти белой
Лишь роза одна.

Вновь свежесть лаванды
Вечерней порой
Покроет веранду,
Споёт нам гобой.

Два мира, две страсти сошлись –
В движении вечная жизнь.
Поёт бесконечный прибой –
В движении вечном любовь.
В глазах неизвестный огонь,
Целую я вашу ладонь.
В молчании – тысячи слов.
В молчанье – крушение миров,
У моря совета прошу,
Звезде свою боль подношу.
Два мира, две страсти сошлись –
В движении вечная жизнь.
Кто вашу целует ладонь?
Терзает кого ваш огонь?

НАВАЖДЕНЬЕ

Стройна, улыбчива, пригожа,
В глазах зелёная волна.
Ах, до чего же ты похожа
На деву из чужого сна.

То бросишь взгляд до жути томный,
Затем исчезнешь, как туман.
А то беспомощно и скромно
Вдруг улыбнёшься. Всё обман!

Зачем тебе я, чудо-дева?
С тобою мы из разных снов.
Направо мне, тебе налево,
В страну обманно-сладких слов.

Но я хочу, хочу обмана,
И снятся мне всё те же сны.
Ты – наважденье из тумана,
Мечта из призрачной страны.

Я не знаю, чего в тебе больше:
Гордой спеси, коварства, любви?
Королевой была бы ты в Польше
И купалась в шляхетской крови...

Там, где Нил несёт воды неспешно,
Там, где призраки тайны хранят,
Ты царицей могла бы стать грешной,
Подсыпала б любовникам яд.

Из врагов твоих враг самый злейший
Пожелал бы тобой овладеть.
Ты была бы изысканной гейшей,
Пред тобой отступала бы смерть.

Но я знаю, что женщин нет в мире,
Кто б сравниться в любви с тобой мог.
Пела ты. Играл ангел на лире,
На коленях стоял юный бог.

Слышишь, женщина! Да, я не знаю,
Кем могла бы ты стать, кто ты есть?
Но клянусь – я тебя обуздаю
И собью с тебя царскую спесь.

Гул прибоя неумолчен,
Звёзды выстроились в ряд,
И звучит всё громче, громче
Песнь весенняя наяд.

Сердце бьётся учащённо,
В рваных мыслях кутерьма,
В небесах живые звоны –
От весны схожу с ума.

Не довольно ль приключений?
Не пора ли поостыть?
Но всемогущ дух весенний,
С ним никак не сбавить прыть.

Во всё тяжкое бросаюсь,
Снятся мне чужие сны.
Сто раз за ночь просыпаюсь –
Это происки весны.

Звёзды, волны, озаренья,
И мечты, мечты, мечты...
Сердца глупого прозренья:
Там весна, где ходишь ты.

НА КИПРЕ

Где-то рядом, в прибрежной таверне,
Саксофон заливается песней печальной.
Море дышит прохладой вечерней,
Упиваюсь свободой почти нереальной.
Я, мечтая, внезапно взлетаю
И лечу вслед за солнцем ликующей птицей.
В жизнь морскую себя возвращаю,
Может быть, этот вечер у моря лишь снится?

С Афродитой я в море купаюсь
И в любви неземной растворяюсь.

ОДЕССА, СОЛНЦЕ, МОРЕ, ВЕТЕР

Катил трамвай в весёлом мае,
Купалось небо в сини нежной.
Одесский шум стоял в трамвае
И ты смеялась безмятежно.

И море радостно плескалось,
И я был юн, здоров и весел.
Куда весна любви умчалась?
Иль до сих пор живёт в Одессе?

Вернусь в мой город непременно,
Туда, где ты осталась в мае.
Любовь! С ней море по колено!
Примчусь к тебе я на трамвае.

Одесса, солнце, море, ветер –
Одна мечта на белом свете.

НЕУСТРАНИМОЕ

И. К.

Скажите, кто её придумал,
Откуда девушка пришла?
А в голове тревожный зуммер:
«Ага, влюбился, вот дела!».

Да разве можно не влюбиться,
Я – что? По-вашему – слепец?
Лукаво шепчет мне девица:
«Неисправимый, милый лжец!»

А я танцую с ней, танцую,
И комплименты говорю.
Целуюсь с ней напропалую
В мечтах. Любовь боготворю.

И вот немножко привираю,
Хочу девчонку покорить,
В огне невидимом сгораю...
Как хорошо влюблённым быть!

Пока любовь живёт в России,
Земля не может оскудеть.
Пока девчонки есть такие,
Не победит нас даже смерть.

ИСПОВЕДЬ СЕРДЦА

О. Б.

Вы не модель Москвы салонной,
Одна из тысяч женщин милых.
Но столько глубины я вижу
В глазах серьёзных и смешливых!

Сегодня вами восхищаюсь,
Вчера почти вас не заметил.
О вас мечтаю, вами грежу, –
Нет лучше вас на белом свете!

Тону я в скромности мятежной,
В глубинах скрытой грусти тонкой.
То я кажусь себе невеждой,
А то – восторженным ребёнком.

Порою сам себе не верю:
Я фантазёр неисправимый.
Вы и находка, и потеря,
Как жаль, что я не ваш любимый.

ДВОЕ

Беспечно и страстно целуются двое,
Над ними звезда в напряженье дрожит.
Печально играет старик на гобое,
И ангел небесный к влюблённым спешит.

Ах это всё было, давно уже было,
Но сказка двоих начинается вновь.
И сердце несчастья любви позабыло,
И снова рождается в сердце любовь.

И вновь беззаботно целуются двое,
И в небе вечернем звезда вновь дрожит.
Печально играет старик на гобое.
Беспечных влюблённых ничто не страшит.

... И рвущий сердце тяжкий вздох
Слетел внезапно с горьких уст.
И понял я, что не оглох,
Что не лишил Всевышний чувств.
Не нужен мне насыщенный хлеб,
Когда нет в воздухе любви.
Я вижу всё, я не ослеп, –
Мне шлют печаль глаза твои.

ТЫ УЛЫБНУЛСЯ

Ты улыбнулся, я тебя простила,
Душа очнулась от кошмарных снов.
Твоя улыбка к жизни возвратила,
И всё... душе не надо лишних слов.

На сквозняке в тулупе рваном
Стоит старик.
Кто явит милость?
А в зале ярко освещённом
Танцуют вальс
Молодожёны.
И в этом танце двух влюблённых
Восторг любви
И сила жизни.
Себе я, юность вспоминая,
Тулуп тот рваный примеряю.

МОЛЧАНЬЕ

Стоял я молча в стороне
И пасть готов был на колени, –
И страшно грустно стало мне,
Как от присущей милой тени.

Фёдор Тютчев

Молчанье в комнату пришло,
Повисло в тяжкой тишине.
В слезах оконное стекло, –
Весь старый мир горит в огне.
Сгорели нежные слова,
Он на колени пасть готов,
Но страсти нет, она мертва,
И не вернуть сгоревших слов.
Молчанье в комнату пришло,
На сердце давит тишина.
В слезах оконное стекло, –
Печали две – любовь одна.

РАЗДОР

Если люди любят друг друга,
То почему их раздражает какое-то
нечаянное слово?
Джон Монтагю

И я молчал, и ты молчала,
Клубились грозно в небе тучи.
Меж нами изгородь стояла –
Стена живая из колючек.

Я виноват, ты виновата.
Душа заходится от страха:
Вдруг это точка не возврата?
И мы с тобой уже на плахе?

Твоей руки слегка касаюсь
И улыбаюсь беспричинно.
Пойми меня, я каюсь, каюсь,
Склоняя голову повинно.

Я говорил, ты говорила,
Сердец заблудших озаренье.
И я простил, и ты простила,
Пришло на небо просветленье.

Слеза алмазная катилась.
Катилась тихо по щеке.
Звезда от неба отделилась
И вмиг исчезла вдалеке.

А жизнь катилась и катилась, –
Её нельзя остановить.
Любовь ушедшая приснилась,
И с этим нужно дальше жить.

Твой взгляд, вдруг брошенный украдкой,
Меня, как молния пронзил.
И, зная женские повадки,
Я не поверил и... забыл.

Поверить было невозможно,
Что солнце вдруг с небес сошло,
Ведь жил я в мире странно-ложном,
И мне там не было светло.

Но ничего мной не забылось,
Не потерялось в бездне лет.
Вчера опять ты мне приснилась,
Вчера опять увидел свет.

Кому сегодня солнцем светишь?
Сколько мужчин с ума свела?
Мой парус гонит звёздный ветер
Туда, где со мной была.

Что потерялось, не забылось,
Пришло ко мне из бездны лет

Я Вам звонил, –
Вы недоступны были.
Я ревновал, терзался я
И водку пил.
Бездомные собаки выли.
Я горькую вновь пью, себя виня.
И никому нет дела до меня.
Я Вам звоню –
Вы снова недоступны.
Я Вас люблю...
Услышьте, милая, меня!

Вновь улетают сердца птицы, –
Куда, зачем они летят?
Возможно, жизнь чужая снится
И повернуло время вспять?

– Ау!.. – кричу, – Меня ты слышишь?
Раскаты эха мне в ответ.
Взлетают птицы неба выше,
И вот следов их даже нет.

Я по земле хожу, мечтаю
И тайно жду, чего-то жду.
Я в облаках порой витаю
У жизни прежней на виду.

– Ау! – кричу тебе безмолвно.
– Я здесь, – приходит смс.
Уносят сердце птицы-волны
На гребне счастья до небес.

ШТРИХИ К СОБСТВЕННОМУ ПОРТРЕТУ

Люблю я то, что непохоже
На жизнь обыденно-пустую.
Мне зверь какой-то сердце гложет,
Смеюсь, бывает, я тоскую.
То восхищаюсь я уродством,
И красоту в уродстве вижу.
То с непонятым превосходством
Смотрю на мир и ненавижу
То, в чём другие совершенство
Унылой жизни часто видят.
И вдруг, напротив, я в блаженстве,
Когда другие ненавидят.
И я, бывает, сомневаюсь,
Претерпевая сердца муки.
В случайных женщин вновь влюбляюсь
От безысходности и скуки.
Люблю я то, что ты не любишь,
Себя люблю и презираю.
Наверно, ты меня погубишь, –
Чужую роль с тобой играю.

СУД ЛЮБВИ

Слова и музыка слились
В потоке плавно-величавом.
И повторилась чья-то жизнь,
И был в ней суд любви неправым.

Последний звук... Притихший зал
Аплодисментами взорвался.
В смятенье слёзы я глотал, –
С любовью в песне я расстался.

ПИСЬМО ЖЕНЩИНЫ

Дождь моросит... Это значит,
Скоро наступит весна.
Жить захочу я иначе
Буду весной не одна.

Вижу соседние крыши,
Скользко на них под дождём.
Небо молитвы услышит,
Будем весною вдвоём.

Верю, всё будет иначе.
Что принесёт нам февраль?
Небо без устали плачет,
Нашего прошлого жаль.

Судьба замедлила сурово
На расстани лесных дорог...
Максимилиан Волошин

На вьюжной расстани дорог,
Где затерялось много судеб,
Он удержать любовь не смог, –
Так юн он был и безрассуден.

Но не забыло сердце, нет,
Любви порывов беспорочных,
Теперь известный он поэт,
Теперь другим любовь пророчит.

На вьюжной расстани дорог
Своей любви уже не встретит.
Но в сердце стилом он сберёт
То, что унёс забвенья ветер.

Не сердитесь, себя не казните,
Дайте выбрать свою ей дорогу:
Отпустите любовь, отпустите,
Отпустите её ради Бога.

Птица певчая гибнет в неволе,
Песня звонкая глохнет в темнице.
Задыхается сердце от боли,
Дайте волю тоскующей птице.

Не сердитесь, себя не казните.
Две судьбы, две неравных дороги.
Отпустите её, отпустите,
Отпустите любовь, ради Бога.

Ещё вчера калины ягоды алели
В покрытом снегом, замороженном саду.
Ещё вчера и ни мороз, и ни метели
Не предвещали сердцу скорую беду.

Сегодня стынет снег кровавый под калиной,
Неузнаваемо сегодня сад наш пуст.
Теперь сама себе кажусь я сиротиной,
Где праздник был, стоит в печали голый куст.

Ещё вчера так безмятежно мы гуляли,
Ещё вчера звенел в саду весёлый смех.
Любовь твою как будто снегири склевали.
Зияет раной под моей калиной снег.

Придёт пора и расцветёт калина снова,
Надежду сердцу утомлённому вернёт.
Я разыщу волшебной силы слово, –
Любовь твоя вернётся, оживёт.

СТАРИННЫЙ РОМАНС

Не говорите, ничего не говорите:
В словах всегда неправда есть.
Сегодня я один из многих в вашей свите,
И для меня быть рядом с вами честь.

Вчера случайно вы платочек уронили,
И кавалеры, как один,
Все устремились к вам, и вас смутили –
Алел на шее царственный рубин.

В гостях у вас все записные донжуаны.
Даёте вы прощальный бал.
Мы расстаемся. Боль моей сердечной раны
Скрываю и терзаюсь. Я пропал.

Шутить изволил князь Полонский неучтиво –
Уже назначена дуэль.
Вы улыбаетесь рассеяно-счастливо
Вы – далеко, за тридевять земель.

Не говорите, ничего не говорите, –
Танцуем с вами менуэт.
Все кавалеры знают в вашей свите,
Что умереть готов за вас поэт.

Небо покрыто серыми тучами,
Клик лебединый умолк за рекой.
Осень унылая сердцу наскучила –
Дождь вперемежку с тяжёлой тоской.

Мне ль предаваться сегодня унынью?
Мне не пристало бессильно роптать!
Я ль не купался в заоблачной сини?
Я ль не учился с любимой летать?

Снова вернётся, что сердцу так любо, –
Клик лебединый услышу весной.
Тучи рассеются, сгинет остуда,
Снова летать буду в небе с тобой.

Ещё вокруг раздолье снега,
Мороз гуляет по ночам,
Но дышит сад весенней негой
С щемящей грустью пополам.

Я жду, когда раздастся пенье
Весны посланников – грачей.
Я жду весну с благоговеньем,
Сестру поэзии моей.

И по ночам меня тревожат
Грядущей жизни голоса,
И в небе вижу я, о Боже!
Как ветер полнит паруса.

И рифмам чистым снятся ноты,
И нет в помине больше сна.
Долой сомненья и заботы –
В душе любовь, в душе весна.

Ты слышишь? В сердце соловьи поют,
Хоть за окном заснеженный февраль.
И воды вешние уже бегут
И золотится новым светом даль.

И, кажется, не ведала зима,
Что в феврале возможно пенье птиц,
Что можешь вдруг свести меня с ума
Одним движением испуганных ресниц.

ПРЕДЧУСТВИЕ ВЕСНЫ

Набухли почки на ветле,
Ночами ведьма на метле
Летает над соседним домом,
И мир морозный на изломе,
Он скоро сам себя взорвёт.
На крышу вылез рыжий кот,
Смотреть он будет на луну
И с вождельем ждать весну.

Гром далёкий, дождик майский,
Солнца вечная игра.
К ночи вдруг затянет небо,
Распогодится с утра.

Чисто женские капризы
У погоды в майский день:
Солнце светом разольётся,
Иль накроет землю тень.

Так и ты бываешь разной:
Тихой, грустной и смешной.
Что случается с погодой?
Что случается с тобой?

Никогда не разгадать мне,
Что хранишь в душе своей?
Может, в этом тайна счастья
И любви к тебе моей?

Ты сродни погоде майской, –
И загадке ты сродни.
Оттого всегда с тобою
Ночи разные и дни.

Глаза твои темнее ночи,
Глаза твои светлее дня,
Во взгляде нежность, гром грохочет
И буйство страстного огня,
Коварный взгляд любовь пророчит,
Но нет любви там для меня.

Ещё вчера повечеру,
У дома вишня зеленела.
Сегодня рано поутру
Фату нарядную одела.

Сражает нежностью цветов,
Девичья скромность поражает.
И рядом с ней я встать готов,
От счастья сердце замирает.

И от звенящей чистоты
Мир непременно лучше станет.
Лечусь от чёрной пустоты, –
Я верю – вишня не обманет.

Не вишня то любовь цветёт,
Я пред цветеньем преклоняюсь.
Весна приходит каждый год
И каждый год я вновь влюбляюсь.

Пристрасть к ревности смиренной
В душе безоблачной таю.
Она привносит неизменно
Восторг и бурю в жизнь мою.

И исчезает штиль унылый,
Когда безволен парус мой,
Вновь вижу брег далёкий, милый,
И слышу грохот штормовой.

Приходит ревность во спасенье,
И с ветром песни я пою.
Привносит в сердце озаренье
И свежесть чувства в жизнь мою.

Вся ночь без сна –
Как жизнь без дна,
В бездонность прошлого смотрюсь.
Огни морей,
И свет очей...
Боюсь – усну и не проснусь.

Останусь там,
Где парусам
Так любо небу песни петь.
И пусть зима,
И пусть шторма,
И пусть дрожит от страха смерть.

БАРГУЗИНСКОЕ

Пришла ко мне седая осень,
Дождём наполнив небосвод.
Душа моя свободы просит
И песни новые поёт.

Опять мечтаю... Сколько можно?
Недалеко уже зима.
Как вы пугливо-осторожны!
А я без вас... схожу с ума.

Ветрами свежими мир мой наполнится,
Сердце откликнется трепетным словом.
И забытое вспомнится, вспомнится.
Ринусь в стихию отчаянно снова.

ПЕВИЦА

(На концерте Ольги Жигмитовой)

Как будто вырвалось на волю
Природы женской естество.
Я слышу крик сердечной боли,
Я вижу страсти торжество.

Знакомой только ей дорогой
На пьедестал любви взойдёт.
Несёт в душе молитву Богу
И перед Ним она поёт.

Семь красок в радуге небесной,
Семь красок в голосе её.
Зову любви певицу песней,
Она – смятение моё.

ПОСЛАНИЕ ПЕВИЦЕ

Мой ангел, вижу вас на сцене, –
Оваций гром и крики «бис».
В Париже вы, а, может, в Вене?
Я подарить хочу вам, мисс,
Букет тюльпанов, что алее,
Рубинов царских. Боже мой,
Я – сумасшедший, я пьянею,
Не прежний я, совсем другой:
Теперь мой мир сродни Вселенной,
В нём вы – ярчайшая из звезд.
Падёт Париж, падёт и Вена,
И ваша слава, словно дождь,
Омоет мир и возвеличит.
Я очарован и смущён, –
Зимою слышу пенье птичье,
Душа ликует, я – влюблён.

Радость бесконечная,
Море разливанное,
Строгая, беспечная,
Милая, желанная.

Для любви открытая,
Половодье вешнее,
Тайна позабытая,
Нежная, сердешная.

Близкая и дальняя,
Кроткая и дерзкая,
Песня величальная,
Звёздочка небесная.

Женщина Бурятии,
Сердца увлечение.
Ты – моя симпатия,
Страх и наваждение.

НА БАЙКАЛЬСКОМ БЕРЕГУ

В небесах теснятся тени,
Что-то, милая, не так:
За окошком дождь осенний
И гнетущий полумрак.

Но тебя я только вспомнил,
Изменилось всё вокруг:
Набежали счастья волны,
А как ты сейчас, мой друг?

Может, смотришь ты в оконце
В забайкальском теремке?
Иль идёшь навстречу солнцу
С красной розою в руке?

Исчезают в небе тени,
Я по лужицам бегу.
Есть ли нынче дождь осенний
На байкальском берегу?

ПИСЬМО В БУРЯТИЮ

Как же может быть иначе?
Так оно должно и быть:
Без тебя рассветы плачут,
Без романсов как нам жить?

Жизнь текла моя привычно, –
Я теперь почти бурят,
Русской песней романтической
Незаметно в плен я взят.

Ты – бурятка, а я русский,
Ты – на солнце, я – в тени.
Открываешь душу чувствам –
В сердце прячу я огни.

Ты и я... Романс мы любим,
Льётся голос золотой.
Показалось – шепчут губы:
«Приезжай ко мне, родной!»

МУЗА

Кто-то скажет: «Ты – обуза...»,
Кто-то скажет: «Ты – герой!»
Но теперь со мною Муза,
Я не тот и не другой.

В спальню явится среди ночи
И присядет на кровать
И, смежив с улыбкой очи,
Станет рифмой совращать.

Ведь в очах её раскосых
Затаилась сила-страсть,
А когда распустит косы,
Над собой теряю власть.

И теперь со мною Муза
Тёмной ночью, светлым днём.
Никому я не обуза,
Но играю я с огнём.

ЭХО ПЕСНИ

Тебя здесь нет, но голос твой
Отчётливо я слышу, слышу.
Он на пластинке, он со мной,
Летит он ввысь, всё выше, выше.

В небесной сини песнь теперь,
А мы с тобою на земле,
Но почему же день так сер,
И горизонт исчез во мгле?

Но ставлю я пластику вновь,
И снова голос рвётся ввысь.
Что это, если не любовь?
И в песне смысл любви и жизнь.

Диктует небо мне стихи,
Ему ненастье не помеха.
И средь житейской чепухи
Я слышу, слышу песни эхо.

В СТЕПЯХ МОНГОЛИИ

Я на юге, где магнолии
Дышат негою ночей.
Ты живёшь в степях Монголии,
Снится свет твоих очей.

Представляю степь суровую,
Скачешь гордо на коне.
Сочиняю песни новые
И пою тебе во сне.

Отрекаюсь от магнолии,
Я тебя в степи найду,
Там, в загадочной Монголии,
Сердцем спетую судьбу.

Как ты там, в краю певучем?
Слышу голос твой гортанный.
В золотом сиянье тучи
Над природой первозданной.

Плоть от плоти чистой песни,
Кровь от крови светозарной...
Эхо славы в поднебесье, –
Бьют в незримые литавры.

В первозданность погружаюсь,
И плыву по небу тучей.
Вновь и вновь в тебя влюбляюсь, –
Как ты там, в краю певучем?

ЖЕНСКИЕ СНЫ

Голос вещей птицы слышен,
И воды касанье весёл.
Снятся новой жизни сны:
Безмятежно смотрит осень,
В одеянье красно-рыжем,
На воде челны, челны...
А однажды на Байкале
Я плыла. Цветы живые
Мне бросала осень в чёлн.
Сны ночные, сны цветные
Тайну жизни рассказали,
Сердце помнит главный сон:
Птица вещая напела –
На Байкале будут снова
Осень, ночь, огни, челны.
Я скажу тебе два слова,
Что сказать давно хотела:
«Я люблю...» И ты услышишь
То, о чём мне снились сны.

Ах, из чего тебя ваяли? –
Давно не верю в волшебство:
На лютне ангелы играли
На небесах под Рождество.
Во сне они мне повелели,
Твою невинность охранять.
Меня соблазны одолели,
И невозможно их унять.
Ты вся – восторг и удивленье.
Ну, как мне дальше с этим жить?
Душа заблудшая в сомненье,
Боюсь тебя я погубить.

Улыбчивость до бесконечности,
Пример веселья и беспечности,
Лукавства взрыв и всплеск невинности,
Взгляд нарочитой благочинности.
А на цепях стальных – пороки
В озерах тёмных и глубоких.
Вдруг представляю, рвутся цепи...
Бегу от мыслей я нелепых.

И в предрассветной тишине
Услышу звонкий птичий щебет.
Себя увижу на челне,
Плывущим в безмятежном небе.

А день морозный за окном,
И небо где-то в тучах скрыто...
Я не жалею ни о чём,
Что не случилось, то забыто.

В кафе «Аида» в центре Вены
(Кафе примерно лет так двести)
Две чашки кофе с шапкой пены,
Напиток, что достоин чести
Быть на столе у королевы,
Я, как обычно, закажу.

И у окна, за столик сяду,
Где мы, весёлые, сидели,
И были нам там очень рады.
Прошло не более недели,
А мы сто лет уже не вместе,
И я сто лет в тоске живу.

Кафе «Аида» помнит многих...
Возможно, в этом самом зале
Пил кофе Шуберт, пели боги,
Незримо ноты здесь летали,
А за окном, на пьедесталах,
Играли роль свою шуты.

Остыл твой кофе, спала пена,
Шуты спустились с пьедесталов.
Молчит приветливая Вена,
Ей меня и дела мало.
Кафе «Аида». Чашка кофе.
Я завтра вновь сюда приду.

Как тебе в Москве ужасной?
Как тебе в Москве прекрасной?
Здесь суетное пространство,
Эгоизм, непостоянство,
Сумасшедшие соблазны.
Лик Москвы разнообразный:
То она тебя согреет,
То дубинкою огреет,
Но полюбишь ты столицу,
И она воздаст сторицей
За любовь твою и скромность.
И меня тогда ты вспомнишь,
Сердце сказку мне пророчит.
У тебя такие очи!..
Я смотрю в них и ликую,
Кто создал тебя такую?

ЗА ВАС МОЛЮСЬ

О.Ю.

Фигуры женщины, склонённой
Над тихо плачущим ребёнком,
Касаюсь взглядом отстранённо,
Я оказался в мире тонком,
Где музыки небесной звуки,
И чьи-то руки, чьи-то руки
Меня до неба поднимают,
И рядом ангелы летают.
Меня целует кто-то в лоб
И испаряется озноб.

Не на волне ль небесной плыл я?
Ребёнок. Плач. Мне показалось.
Всё перепутал, всё забыл я,
Но в сердце облачко осталось
Лучистой радости и голос,
Что исполняет песню соло.
Качала женщина с улыбкой
Дитя в небесно-светлой зыбке.
О, невозможность бытия!
Дитём уснувшим тем был я.

Ума и сердца раздвоенье –
Себя увидеть отстранённо,
Божественное слышать пенье.
Но в лике, надо мной склонённом,
Я вас узнал. И я запомнил:
Любви молитвенные волны
Мне в душу светом проникали,
И рядом ангелы летали.
Я болен был, я был в бреду...
Вы отвели мою беду.

Я жить по-новому учусь
И сам теперь за вас молюсь.

ЖИТЬ ИНАЧЕ

Бесконечен поток людей,
Важных, печальных и смешных.
Никому нет дела до меня.
Ослепляющий свет фонарей,
Одиночество бьёт под дых.
Ночь – слепое отраженье дня.

Мириады в небе огней,
Жёлтых, зелёных, голубых,
Расцветает на небе луна.
Странное движенье теней,
Мёртвых и живых неживых,
Жизнь – слепое отраженье сна.

Дожди залили всю Европу,
А над Россией тучи гари.
Огонь средь лета и потопы...
Неотвратима Божья кара.

Мы неразумны и жестоки,
В грехах земных мы правду ищем.
Несёт житейским нас потоком
Туда, где грязь и пепелища.

Остановиться на мгновенье,
Быть может, едкий дым поможет? –
Поймём себя, найдём спасенье...
О, дай нам, разуменье, Боже!

О сколько раз я повторял
Простые истины в уме!
И ошибался, и терял,
По бездорожью брёл во тьме.

Жизнь на исходе. Вновь бреду...
Не знаю сам зачем, куда?
Как в том, забытой мной году,
Когда исчезла вдруг звезда.

АПРЕЛЬ

Я люблю в предвечернюю пору
Слушать пенье апрельское птиц.
Птичьи свадьбы весенние, ссоры –
Жизни всё побеждающей гимн.
Внемлю сердцем многоголосию,
Сколько в хоре родных голосов!
Мир невинный в юности бросил я,
Но в душе навсегда сохранил.
Помню крышу соседского дома:
Пара аистов ладит гнездо.
Я люблю звуки первого грома,
Я люблю неба стылого синь.

Возвращаюсь домой, возвращаюсь,
Забывая грусть прошлых потерь.
Вспоминаю, мечтаю и маюсь...
Растревожил мне душу апрель.

ПО ДОРОГАМ ХМЕЛЬНИЧИНЫ

Цветов всевозможных бескрайнее море
Раскинулось вольно вдоль тихой дороги.
Огромно, в полнеба, весёлое солнце
Мне шлёт благодать от всещедрого Бога.

И ветками ива приветливо машет,
И вишни бегут в белых платьях навстречу.
Здесь всё по-другому, и всё здесь как прежде,
Я слышу неслышные старые речи,

Что сын я желанный, хоть сын я заблудший, –
В морях мне всегда этих слов не хватало.
Домой возвращаюсь, душой возвращаюсь, –
Как много мне надо, и надо так мало!

В ПОЕЗДЕ

Берёзы тонконогие
Застыли средь болот.
Плывут места убогие,
Докучный мир плывёт.
Над речкою неспешною
Печалится сосна.
Хочу обнять безгрешную, –
Она, как я, одна.
О, как же сильно хочется
Мне с поезда сойти!
Два тихих одиночества
Не встретятся в пути.
Движенье продолжается –
И новая печаль...

Пёс худой и шелудивый
На заборе ставит метки.
Рядом тянет бомж ленив
Пиво, сидя на газетке.
Глазом чёрным злобно косит
У метро дурная баба.
То поёт, то всех поносит:
«Дабы, дабы!.. Дабы, дабы!».
Подаянья обречённо
Просит нищий на коляске.
Пьяный пляшет увлечённо, –
Жуть берёт от этой пляски.
Мёртвый висельник икает –
Проходимец и каналья.
Важно что-то изрекает
Персонаж из зазеркалья.
Плачет старая певица,
Уходя навек со сцены.
Лица, лица, лица, лица,
Ложь клубится словно пена.
Вот придворные лакеи
Рукоплещут увлечённо.
Лизоблюды, фарисеи,
Лжепророки, фармазоны.
Пёс худой и шелудивый
В этом мире всех мне ближе.
В белом платье чудо-дива
Ждёт давно меня в Париже,
Но Москву, мою столицу,
На Париж не променяю.
Просыпаюсь, – лица, лица...
Сам себя я забываю.

Пёс приبلудный руки лижет.
Он сегодня всех мне ближе.

Я вскипел от возмущенья,
И, как крышка на кастрюле
Череп прыгает от мыслей:
«Обманули, обманули...»
Обманули на доверье:
Я доверчивый без меры.
Улыбались, притворялись,
Сам открыл прохвостам двери.
Нет вещей, но их не жаль мне,
Что со мной, несчастным, будет?
Вы украли, вы украли,
Веру вы украли, люди.

Бьётся бабочка в окне,
Слышу чей-то плач во сне.

КАРТИНКИ КРЕЩАТИКА

«Шиш держу за пазухой, кошелёк – в Америке», –
Пляшет и кривляется у метро юродивый.
«Милостивы будьте же, ваши благородия...», –
Рвётся голос нищенки, бьющейся в истерике.

«Геть!» – кричит неистово рупор хриплым тенором,
«Так!» – зловеще скалится жёлтое полотнище.
Флаг с серпом и молотом на ветру полощется,
Зазывает в прошлое безголосым кенарем.

Пара безмятежная на виду целуется,
Снег кружится сказочный, но грустны прохожие.
Ждут весны каштаны, липы шепчут: «Дожили»,
С болью и надеждой я иду по улице,
По любимой улице.

Улыбка гадкая ехидны
И вспышки жадности в глазах,
То он как мальчик безобидный,
А то он зверь, несущий страх.
Как мелкий жулик на базаре
Он гонит липкой лжи волну,
Я ненавижу эту харю,
Но нет, его всё ж не кляню.
Пусть он живёт, здоров пусть будет, –
Пример ехидства, зла пример.
Не мне судить, другие судьи
Стучатся, слышу, к вору в дверь.

Завтра жить начну иначе:
Буду весело гулять,
Грусть свою в вине запрячу,
Чтоб вовеки не достать.

Честь и правила приличья
Я ко всем чертям пошлю.
Надоел мне гомон птичий, –
Что любил, всё разлюблю.

Может быть, в хмельном загуле
Стану мир крушить, ломать
И подставлю грудь под пули –
Погибать, так погибать.

Суету навек оставлю,
Через много-много лет
Я село своё прославлю,
Что родился в нём поэт.

А теперь кому я нужен,
Кто, что знает обо мне?
Я на голову простужен,
И живу как на Луне.

Впрочем, жить начну иначе
И с Луны на Марс умчусь.
Осень. Ночь. Как небо плачет!
Растворяют слёзы грусть.

МИША-ГАРМОНИСТ

Михаилу Морозову

Дядя Миша к нам приехал,
С ним двухрядная гармонь.
Три мешка привёз потехи, –
Зажигает, как огонь.

Заливается гармошка
И неистов гармонист.
У детей горят ладошки,
В зале крики: «Браво! Бис!».

До комичности серьёзен,
Заостренный нос вперёд.
То он ласков, то он грозен, –
Душу в плен игрой берёт.

Топнет вдруг ногой маэстро,
И гармонь несётся вскачь.
Заменяет три оркестра
Наш неистовый носач.

Ноги просятся на пляску,
В зале радость, детский визг.
Это вам не Коля Басков,
Это – Миша-гармонист.

МЕЧТАТЕЛЬНЫЙ ЕВРЕЙ

В. Б. Виноградову

Много рыжих в мире этом,
Среди них я всех рыжей.
Я зимою верю в лето,
Я – мечтательный еврей.

Говорят, я ненормальный,
Не по правилам живу,
В бирюзовом зазеркалье
Днями зимними брожу.

Васильки я собираю
На заснеженных полях.
С рыжей бестией гуляю
В бирюзовых лёгких снах.

Я на облачко взбираюсь,
Проливаюсь вниз дождём.
Как ребёнок, я пугаюсь,
Если грохнет в небе гром.

И целуюсь нагло с рыжей,
С дерзкой бестией моей.
Сам себе кажусь бесстыжим,
Я – мечтательный еврей.

ОДА СОБСТВЕННОЙ ГОЛОВЕ
(ночные мысли девушки)

Голова бедовая,
Голова садовая,
Нет с тобою сладу.
Ты моя гламурная,
Мило-авантюрная, –
Горе от бравады.

Голова несчастная,
Странно-безучастная,
Ты со мной не дружишь.
В омуты бросаешься,
Не грешишь, а каешься.
Отыскать бы мужа?

Для тебя, головушка,
Был бы он соловушкой,
Я б его любила.
Чтоб тебе, увечной, он,
Чтобы мне, беспечной, он
Был защитной силой.

Но вокруг бесстыжие,
Чёрные и рыжие.
От парней нет толку.
Образумься, милая,
Ведь тебя простила я,
Плачешь втихомолку.

Голова ты бедная,
Добрая, безвредная.
Где найдёшь другую,
На тебя похожую,
Лёгкую, хорошую,
Сердцу не чужую?

ПО ДОРОГЕ ИЗ ХОЛМСКА
В ЮЖНО САХАЛИНСК

Я купаюсь в пушистом снегу,
В белой нежности в мыслях купаюсь,
От унылости в сердце бегу,
В мир невинности вновь погружаюсь.

Этой снежности яркой купель
Всех богатств мне сегодня нужнее.
Сзади грязи бушующий сель,
Голос Неба мне шепчет: «Скорее...

Всё оставь, не жалея, отрекись,
Наконец сам собою ты станешь...»
Но вернётся несносная жизнь,
Сам себя никогда не обманешь.

Я порой забываюсь в мечтах,
Уживаются быть там и небыль,
Открываю мир чистый в стихах.
О, спасибо за снег тебе, Небо!

НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ ИЗ АНГЛИЙСКОЙ ПОЭЗИИ

EDGAR ALLAN PO

THE BELLS

I

Hear the sledge with the bells –
Silver bells!
What a world of merriment their melody foretells!
How they tinkle, tinkle, tinkle,
In the icy air of night!
While the stars that over sprinkle
All the heaven seems to twinkle
With a crystalline delight,
Keeping time, time, time,
In a sort of Runic rhyme,
To the tintinnabulation that so musically wells
From the bells, bells, bells, bells,
Bells, bells, bells –
From the jingling and tinkling of the bells.

II

Hear the mellow wedding bells
Golden bells!
What a word of happiness their harmony foretells!
Though the balmy air of night
How they ring out their delight!
From the molten golden notes?
And all in the tune,
What a liquid ditty floats
To the turtle-dove that listens, while she gloats
On the moon!
Oh, from out the soundings cells,
What a gush of euphony voluminously wells!
How it swells!
How it dwells
On the Future! how it tells
Of the rapture that impels
To the swimming and the ringing
Of the bells, bells, bells,
Of the bells, bells, bells, bells –
Bells, bells, bells
To the rhyming and the chiming of the bells!

III

Hear the loud alarum bells
Brazen bells!
What a tale of terror, now, their turbulency tells!
In the startled ear of night
How they scream out their affright!
Too much horrified to speak,
They can only shriek, shriek,
Out of tune,
In a clamorous appealing to the mercy of the fire,
In a mad expostulation with the deaf and frantic fire,
Leaping higher, higher, higher,
With a desperate desire,
And a resolute endeavor,
Now – now to sit or never,
By the side of the pale-faced moon.
Oh, the bells, bells, bells!
What a tale their terror tells
Of Despair!
How they clang, and clash, and roar!
What a horror they outpour
On the bosom of the palpitating air!
Yet the ear it fully knows,
By the twanging,
And the clanging,
How the danger ebbs and flows:
Yet the ear distinctly tells,
In the jangling,
And the wrangling,
How the danger sinks and swells,
By the sinking or swelling in the anger of the bells –
Of the bells –
Of the bells, bells, bells, bells,
Bells, bells, bells –
In the clamor and the clanger of the bells!

IY

Hear the tolling of the bells –
Iron bells!
What a word of solemn thought their monody compels!
In the silence of night,
How we shiver with affright
At the melancholy menace of their tone!

For every sound that floats
 From the rust within their throats
 Is a groan.
 And the people – ah, the people –
 They that dwell up in the steeple,
 All alone,
 And who, tolling, tolling, tolling,
 In that muffled monotone,
 Feel a glory in so rolling
 On the human heart a stone –
 They are neither man nor woman –
 They are neither brute nor human –
 They are Ghouls:
 And their king it is who tolls,
 And he rolls, rolls, rolls,
 Rolls
 A paean from the bells!
 And his merry bosom swells
 With the paean of the bells!
 And he dances, and he yells;
 Keeping time, time, time,
 In the sort of Runic rhyme,
 To the paean of the bells –
 Of the bells:
 Keeping time, time, time,
 In a sort of Runic rhyme,
 To the throbbing of the bells –
 Of the bells, bells, bells –
 To the sobbing of the bells;
 Keeping time, time, time,
 As he knells, knells, knells,
 In a happy Runic rhyme,
 To the rolling of the bells –
 Of the bells, bells, bells:
 To the tolling of the bells,
 Of bells, bells, bells, bells –
 Bells, bells, bells –
 To the moaning and the groaning of the bells.

ЭВГАР АЛЛАН ПО

БУБЕНЦЫ

I

Слышу санный я звон
Бубенцов
Что за радость несёт сердцу бедному он!
«Динь-динь-динь», и мороз
Песнь разносит в ночи.
Блеск бриллиантовых звёзд
И небес светлых дрожь,
Пламя звёздной свечи,
Слышу времени ритм
В форме образных рифм,
Что в рунических пелись стихах,
Слышу я в бубенцах,
В бу-бен-цах,
В тех, звенящих в ночи серебром, бубенцах.

II

Слышу свадебный звон
Бубенцов
Что за счастье несёт сердцу бедному он!
Пламя звёздной свечи,
Всплеск восторга в ночи!
Блеск расплавленных нот,
Как во сне,
Песня речкой течёт
К той голубке, что слышит и ждёт
На луне!
Жизни праведной стих,
Благовучия мощных потоков родник.
Как велик,
Этот миг –
В нём грядущего слышится крик –
То пророчества чистого лик!
Тихо звуки плывут и плывут:
«Динь-динь-динь, динь-динь»,
В сердце «динь-динь-динь, динь» –
Динь-динь-динь –
То мотив золотой золотых бубенцов!

Ш

Слышу громкий я звон
Бубенцов!
Что за ужас несёт буйной песнею он!
Гаснет пламя свечи,
Визг и вопли в ночи!
Невозможно терпеть, –
Это хуже, чем смерть, –
Взрыв вины.
И мольбы огонь неистовый просто не слышит,
В безрассудстве глухом огонь желанием дышит.
На небесную крышу,
Рвётся сердце всё выше,
Нет сильнее той пытки,
Бесполезней попытки,
Чтоб добраться до бледной луны.
В бубенцах, в бубенцах
Слышен истовый страх, –
Страх потерь!
Громяхают они и режут,
Ужас нежному сердцу несут,
Ранит душу трепещущий зверь!
И в ушах эти звуки:
Голос мерзкий,
Скрежет резкий...
Как убрать эти муки,
Когда ужас в глазах?
Свист и крики,
Холод дикий,
И угрозой питается страх,
Звуки гнева, взбухая, растут и плывут в бубенцах,
В бубенцах –
В бубенцах, бубенцах,
В бу-бен-цах –
В этих медных, рычащих в ночи, бубенцах!

Ш

Слышу траурный звон
Бубенцов!
Что за горе несёт в мир бездонности он!
И в ночной тишине
Страх приходит ко мне,
И терзает мелодией ночь неуклонно!
Сердцу чуждаются муки,
В глотках ржавые звуки –

Боль и стоны.
Ах, в высоких домах
Одиночества страх!..
Монотонно
Катится жизнь и катится,
Мир бездушно-бездонный,
Жизни строгая матрица,
Камень на сердце, звоны.
Женщина иль мужчина ты –
Все в плену глухой пустоты.
Сердце болит,
Управляет всем тот, кто звонит,
Звонит нам, звонит.
Звон, –
Зов победы в бубенцах!
И в груди нарастает страх,
С грозной песней в бубенцах
Он танцует, он гремит.
Держится времени ритм
В форме рунических рифм.
Торжество в бубенцах,
В бубенцах:
Держится времени ритм
В форме рунических рифм.
И трепещут они в бубенцах,
В бубенцах, бубенцах
В звучащих в ночи бубенцах;
Держится времени ритм,
Отражаясь в слезах.
Песнь рунических рифм,
Что звучат в бубенцах,
В бубенцах, бубенцах
Звон могил в бубенцах,
В бубенцах, бубенцах,
В бу-бен-цах,
Стоны, скрежет железа в ночных бубенцах.

ELDORADO

Gaily bedight
A gallant knight,
In sunshine and in shadow,
Had journeyed long,
Singing a song,
In search of Eldorado.

But he grew old –
This knight so bold –
And o'er his heart a shadow
Fell as he found
No spot of ground
That looked like Eldorado.

And as he strength
Failed him a length,
He met a pilgrim shadow
“Shadow”, said he,
“Where can it be,
This land of Eldorado?”

“Over the mountains
Of the Moon,
Down the valley of the Shadow,
Ride, boldly ride”,
The shade replied,
“If you seek for Eldorado”

ЭЛЬДОРАДО

Рыцарь побед,
Смелый атлет
В подвигах видит отраду,
Свет или тень,
Ночь или день –
Ищет мечту, Эльдорадо.

Вечный герой
Стал уж седой,
Сердце мечтаньям не радо.
Где та земля,
Где те края,
Что все зовут Эльдорадо?

Сбился он с ног,
Видит всё Бог, –
Призрак встал тенью в награду.
Тень он спросил:
– Где же взять сил?
Где та земля, Эльдорадо?

– Там, за горой,
Рядом с Луной,
Вечных мечтаний отрада.
Лошадь гони
Ночи и дни,
Если в мечтах Эльдорадо.

WILLIAM BUTLER YEATS

The Sorrow of Love

The brawling of a sparrow in the eaves,
The brilliant moon and the milky sky,
And all that famous harmony of leaves,
Had blotted out man's image and his cry.

A girl arose that had red mournful lips
And seemed the greatness of the world in tears,
Doomed like Odysseus and the labouring ships
And proud as Priam murdered with his peers;

Arose, and on the instant clamorous eaves,
A climbing moon upon an empty sky,
And all that lamentation of the leaves,
Could but compose man's image and his cry.

УИЛЬЯМ БАТЛЕР ЙЕЙТС

СКОРБЬ ЛЮБВИ

И воробьёв немислимый галдёж,
И в небе звёздном яркая луна,
Листвы деревьев сонных дрожь.
Забыл он скорбь свою, как призрак сна.

Там девушка, солёных губ излом,
Казалось слёз величья не стереть,
И обречённость Одиссея в нём,
Приама гордость, принявшего смерть.

На крыше птиц немислимый галдёж,
Листвы, стенающей, и плачь, и дрожь
В пустынном небе чистая луна
Вновь возродили скорбь, как призрак сна.

When You are OLD

When you are old and grey and full of sleep,
And nodding by the fire, take down this book,
And slowly read, and dream of the soft look
Your eyes had once, and of their shadow deep;

Now many loved your moments of glad grace,
And loved your beauty with love false or true,
But one man loved the pilgrim soul in you
And loved the sorrows of your changing face;

And bending down beside the glowing bars,
Murmur, a little sadly, how love fled
And paced upon the mountains overhead
And hid his face amid a crowd of stars.

КОГДА НАСТУПИТ СТАРОСТЬ...

Наступит час, и станешь ты седой,
Читая книгу у огня в мечтах,
Ты встретишь вдруг себя в моих стихах,
Узнаешь взгляд печальный и живой.

Ты идеал для многих из мужчин,
Но влюблены они лишь в красоту.
Лишь я любил души твоей мечту,
И скорбь в лице рождавшихся морщин;

Склонив лицо к огню в печали грёз,
Прошепчешь, что любовь навек ушла
И в небесах пристанище нашла,
И спрятала моё лицо среди сонма звёзд.

The Pity of Love

A pity beyond
Is hid in the heart of love:
The folk who are buying and selling,
The clouds on their journey above,
The cold wet winds ever blowing,
And the shadow hazel grove
Where mouse-grey waters are flowing,
Threaten the head that I love.

ЖАЛОСТЬ ЛЮБВИ

Жалость не видать,
Ведь в сердце любви она:
Средь людей, жизни свой крест несущих,
В небе, где плывёт луна,
В холодном ветре, душу гнетущем,
И в эхе лесного сна,
И в водах спокойно текущих, –
Везде, где любовь беззащитна и одна.

The Poet to his Beloved

I bring you with reverent hands
The books of my numberless dreams,
White woman that passion has worn
As the tide wears the dove-grey sands,
And with heart more old than the horn
That is brimmed from the pale fire of time
White woman with numberless dreams,
I bring you passionate rhyme.

ПОЭТ ЛЮБИМОЙ

Тебе поднесу я стихи,
В них сердца скопились мечты
Той женщины чистой, чью страсть,
Чью пылкость сгубили грехи.
Несносного времени власть
Несёт на плечах своих рок.
Я женщине чистой мечты
Любовь поднесу среди строк.

The Arrow

I thought of your beauty, and this arrow,
Make out of a wild thought, is in my marrow,
There's no man may look upon her, no man,
As when newly grown to be a woman,
Tall and noble but with face and bosom
Delicate in colour as apple blossom.
This beauty's kinder, yet for a reason
I could weep that the old is our season.

ЗАКОЛКА

Заколка в форме стрелы меняет
Тебя. И сердце вдруг понимает,
Что в глазах и в бюсте, и в причёске –
Черты женщины, а не подростка.
И нет мужчины на белом свете,
Кто б расцвет красоты не заметил.
Я красоте твоей детской внемлю
И сердцем старости не приемлю.

Never Give all the Heart

Never give all the heart for love
With hardly seem worth thinking of
To passionate women if it seem
Certain, and they never dream
That is fades out from kiss to kiss;
For everything that's lovely is
But a brief, dreamy, kind delight.
O never give the heart outright,
For they, for all smooth lips can say,
Have given their hearts up to the play.
And who could play it well enough
If deaf and dumb and blind with love?
He that made this knows all the cost
For he gave all his heart and lost.

ТЫ СЕРДЦЕ ВСЁ НЕ ОТДАВАЙ

Ты сердце всё не отдавай,
Тем страстным женщинам, кого
Не мучают в ночи мечты.
В глазах их черствость пустоты.
Где, может быть, любовь была,
Найдёшь порой там корни зла.
Ушли мечты, восторг и свет,
Там нет любви, игры там след.
Любовь тем женщинам, как знать,
Дана, чтоб с нами поиграть.
И тот из нас, кто как-то смог
Игру принять (простит ли Бог?),
Узнал несчастный, да, узнал,
За что он сердце всё отдал.

A Memory of Youth

The moments passed as at play;
I had the wisdom love brings forth;
I had my share of mother-wit,
And yet for all that I could say,
And though I had her praise for it,
A cloud blown from the cut-throat North
Suddenly hid Love's moon away.

Believing every word I said,
I praised her body and mind
Till pride had made her eyes grow bright,
And pleasure made her cheeks grow red
And vain her footfall light,
Yet me, for all that praise, could find
Nothing but darkness overhead.

We sat as silent as a stone,
We knew, though she not said a word,
That even the best of love must die,
And had been savagely undone
Were it not that Love upon the cry
Of a most ridiculous little bird
Tore from the clouds his marvellous moon.

ПАМЯТЬ ЮНОСТИ

Вся жизнь оказалась как миг,
Надеюсь, я мудрость познал,
И жар сохранился в крови,
Надеюсь, я что-то постиг.
И есть что сказать о любви.
Мне облако ветер послал,
Что скрыло любви чистый стих.

Я поступь её, умный взгляд,
Поверив в любовь, прославлял:
И гордость светилась в глазах,
И роскоши был звездопад,
Тщеславье купалось в словах,
Но тот, кто любовь прославлял,
Узнал свой любовный закат.

Сидим в тишине мы вдвоём,
Не нужно в молчание слов,
Любовь, как цветок, отцветёт,
Забытым останется сном,
Но снова на небе взойдёт,
И там, среди густых облаков,
Мелькнёт для кого-то лучом,

Her Praise

She is foremost of those that I would hear praised.
I have gone about the house, gone up and down
As a man does who has published a new book,
Or a young girl dressed out in her new gown,
And thought I have turned the talk by hook or crook
Until her praise should be the uppermost theme,
A woman spoke of some new tale she had read,
A man confusedly in a half dream
As though some other name ran in his head.
She is foremost of those that I her praised.
I will talk no more of books or the long war
But walk by the dry thorn until I have found
Some beggar sheltering from the wind, and there
Manage the talk until her name come round.
If there be rags enough he will know her name
And be well pleased remembering it, for in the old days,
Though she had young men's praise and old man blame,
Among the poor both old and young gave her praise.

ХВАЛА ЕЙ

Из тех она, кому хвалу воздать хотел бы...
И вверх и вниз я бегаю по дому,
Сродни поэту с новыми стихами,
Иль сродни девчонке в платье новом.
О ней без конца говорить я готов,
И к теме заветной свожу разговор,
Но каждый мечтает о чём-то своём,
Старик в полудрёме несёт всякий вздор,
В то время как мысли его об ином.
Из тех она, кому хвалу воздать хотел бы...
Не буду болтать о войне иль стихах,
В терновнике стану сухом я гулять
Где встречу бродягу; в случайных словах
Вдруг имя её назовёт он, как знать,
Поскольку в забытые дни он знал
Её, кто примером для юных была.
Хоть старец какой-то её всё ж ругал,
Но главной была – всех несчастных хвала.

ИЗБРАННЫЕ ЛИРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ

НА МУЗЫКУ ЕЛЕНЫ СПАС

(Россия)

НЕБЕСНЫЕ КОЛОКОЛА

Когда звонят колокола
Над храмом в час богослуженья,
Все от велика до мала
Внимают звону со смиреньем,
Возносят Господу хвалу
За жизнь, за мира сотворенье.
И я сдержать слёз не могу –
Молюсь душой, прошу прощенья.

Припев:

О Господи, Тебя молю:
Прости все наши прегрешенья!
Помилуй, Боже, Русь мою,
Прошу я слов благословенья...
О Господи, Тебя молю!

Приходит день, и силы нет,
И нет надежды на спасенье,
Но Бог мне шлёт прозренья свет,
Молитвы чистой отраженья.
И знаю я, что спасена,
О, миг великий озаренья!
И верой вновь душа полна,
О, миг святого просветленья!

Припев:

Речитатив:

Укрепи меня, Господи, в вере моей,
Дай силы пройти земной путь в чистоте духовной.
Пролей Свой благодатный Свет
на землю России,
Родины моей.
Благодарю Тебя,
Господи,

за милость Твою...

Когда бессильны все слова,
Звонят с небес колокола,
Звонят с небес колокола!!!

СЛУЖБА В ХРАМЕ

Пение чистое,
В Небо летящее,
Душу проймёт.
Слово высокое,
Сердце разящее,
Вдаль позовёт.

Дети на клиросе –
Ангелы Божии,
Свечи в руках.
Пламя колышется,
Лики пригожие, –
Вера в глазах.

Женщина молится
Богу покорная, –
Всех слышит Бог.
Таинство вечное,
Тайна соборная, –
Грех за порог.

В Небо летящее
Пение чистое –
Благости Свет.
С верой в нетление, –
Света прозрение,
В сердце ответ.

Пение чистое,
В Небо летящее,
Душу проймёт.
Слово высокое,
Сердце разящее,
Вдаль позовёт.

ЮНОСТИ РЕКА

Бежит мальчишечья ватага,
Бушует юности задор,
И юности сестра – отвага
И слово светлое и взор...

И непривычное в привычном
В тиши заоблачной живёт.
Вот в небе ярко необычном
Бумажный змей, как сон, плывёт.

Припев:

Шумит, поёт со мною рядом,
Как призрак юности река.
И манит небо звездопадом,
Зовёт в грядущие века.

Дохнуло в душу тихим детством,
И не нужны слова мои
Не совладать с волнением в сердце
Оно купается в любви.

Окно от света засверкало,
И песню света ловит слух.
Как в этой жизни нужно мало,
Чтоб жизнь иной предстала вдруг!

Припев:

ЛУННЫЕ РОМАНСЫ

1. Говорит женщина

«Я думала о Вас...»,
Луна вошла на небе.
И в свете лунных глаз
Летала бела лебедь.

Не птица то была,
Душа моя летала.
До Вас я не жила,*
Без Вас любви не знала.

В бреду, как наяву,
Себя и Вас спасаю.
Живу и не живу,
Летаю – не летаю.

«Я думала о Вас...»
И Вы в мой дом явились.
Будь славен этот час,
Когда Вы вдруг приснились!
Будь славен этот час,
Когда Вы мне приснились!

2. Говорит мужчина

Я думаю о Вас ночами,
И в свете призрачных огней
Касаюсь трепетно губами
Живой фантазии моей.

Люблю ли я? Не знаю, право...
Возможно да, возможно нет,
Но Вас ревную к Вашей славе,
Ищу в потёмках тайны свет.

А Вы? Величье королевы,
Моё спасенье от тоски...
На свете нет прекрасней девы.
Как Вы близки, как далеки!

ОДИНОКАЯ КРАСНАЯ РОЗА

Как люблю одинокую красную розу!
На живых лепестках серебрится роса,
Это слезы живые, алмазные слезы,
Но в тумане чужие звучат голоса...

ПРИПЕВ: Одинокая красная, красная роза
Я тебя никому никогда не отдам.
Возрождаются в сердце весенние грезы,
И любовь, и любовь улыбается нам

Я прошу, умоляю меня не тревожить,
Умоляю, не трогайте душу мою!
Эту жизнь мне пора бы уже подытожить,
Я пред розой своей на коленях стою.

ПРИПЕВ: Одинокая красная, красная роза
Я тебя никому никогда не отдам.
Возрождаются в сердце весенние грезы,
И любовь, и любовь улыбается нам

Позабудь одиночество, красная роза,
Я навеки влюблен, но тебе невдомек,
Что рождаются в сердце весенние грезы, –
Что на этой земле без тебя одинок,

ПРИПЕВ: Одинокая красная, красная роза
Я тебя никому никогда не отдам.
Возрождаются в сердце весенние грезы,
И любовь, и любовь улыбается нам.

ДУХИ ИЗ ПАРИЖА

Два флакона духов из Парижа,
Две судьбы на развилке дорог.
Как люблю я, но как ненавижу,
Не суди меня, глупую, Бог.

Ненавижу два жёлтых флакона,—
Первый ты мне вчера подарил,
А второй под напевы Шансона
Для соперницы злой утаил.

ПРИПЕВ:

И флаконы я бью-разбиваю,
Проклинаю неверность твою.
Я судьбу без тебя выбираю,
Без тебя у обрыва стою.
Без тебя, без тебя пропадаю
У обрыва, на самом краю!

Без тебя, без тебя пропадаю
У обрыва, на самом краю
Для чего мне постылый огарок,—
От сгоревшей свечи разве прок?!
Для чего мне парижский подарок,
Ты любовью моей пренебрёг.

ПРИПЕВ:

И флаконы я бью-разбиваю,
Проклинаю неверность твою.
Я судьбу без тебя выбираю,
Без тебя у обрыва стою.
Без тебя, без тебя пропадаю
У обрыва, на самом краю!

СУДАРЬ

Не говорите, сударь, о Париже:
Вы так галантны и красноречивы.
Себя в мечтах я парижанкой вижу,
Надменной, гордой и чуть-чуть стыдливой.

ПРИПЕВ:

Я вижу Вас в костюме белом с тростью,
Себя в шикарно-розовом наряде.
Ален Делон нас приглашает в гости.
Не искушайте душу, Бога ради.

Душа моя доверчива без меры,
А вдруг и вправду я поверю в чудо,
И полечу в Париж на крыльях веры,
И на Монмартре я принцессой буду!

ПРИПЕВ:

Я вижу Вас в костюме белом с тростью,
Себя в шикарно-розовом наряде.
Ален Делон нас приглашает в гости.
Не искушайте душу, Бога ради.

Ах, говорите, сударь, говорите
Под стук колёс полночной электрички.
Я слушаю Вас молча, извините,
Но верю Вашим сказкам по привычке.

ПРИПЕВ:

Я вижу Вас в костюме белом с тростью,
Себя в шикарно-розовом наряде.
Ален Делон нас приглашает в гости.
Не искушайте душу, Бога ради.

ШТОРМ

Горизонт от качки кренится,
Чайки глупые кричат.
Море дыбится и пенится,
А в душе моей разлад.

ПРИПЕВ: Солнце в небе кувыркается,
За волну держусь рукой,
Вся вселенная качается –
Вот что значит шторм морской!

Сила женщин в нежной слабости,
С ней сравним лишь ураган.
Где любовь, там море сладости,
Пропадает капитан!

ПРИПЕВ: Солнце в небе кувыркается,
За волну держусь рукой,
Вся вселенная качается –
Вот что значит шторм морской!

Сила женщин в нежной слабости,
С ней сравним лишь ураган.
Где любовь, там море сладости, –
Пропадает капитан...

ПЕСНЯ КАПИТАНА

(из музыкального спектакля «Паруса любви»)

Свирепы волны, гром грохочет,
И в сердце тоже ураган,
А тьма неистово хохочет:
"Любовь - коварство и обман!".

ПРИПЕВ: Сомненья прочь! Глаза не могут,
Глаза не могут обмануть.
Клянусь я, Анна, как пред Богом:
Любовь твою смогу вернуть.

Любить и верить, не сдаваться,
И всё на свете претерпеть.
Не отступать, не сомневаться,
Падёт пред верой даже смерть.

ПРИПЕВ.

Уходит тьма, восток алеет.
Что новый день нам принесёт?
Я слышу поступь доброй Феи,
Она в грядущее зовёт.

ПРИПЕВ.

НА МУЗЫКУ СТАНИСЛАВЫ ЛЯСОТЫ (Украина)

ДОРОГА В РОССИЮ

Смотрю в чисто небо и с небом плыву,
Домой возвращаюсь, в Россию.
Увижу я завтра родную Москву,
Иначе тоску не осилю.

Спрошу у звезды я, у неба спрошу,
Какая короче дорога.
Совета у птицы лесной попрошу,
И ветры мне тоже помогут.

Припев: Россия, Россия, – зов сердца летит,
Любви необъятное море.
Россия, Россия, – песнь эхом звенит,
В волненье душа песне вторит.

Качается солнце, двоясь в вышине,
И голос гитары незримой.
И в каждом аккорде, и в каждой струне
Песнь родины, в сердце хранимой.

И вот я на площади Красной стою,
Друзья, я вернулась в Россию!
Поёт песню небо, и я с ним пою –
Любую беду здесь осилю.

Припев.

Проигрыш

Припев.

ИСТОРИЯ ЛЮБВИ

Мне кажется, что я люблю, люблю впервые,
Хотя ещё не знаю этого сама,
В руках моих дрожат ромашки луговые,
Мне кажется, что я слегка схожу с ума.

Я по ночам читаю толстые романы:
Ответы в них, возможно, я себе найду.
Но как же быть? Везде измены и обманы,
Любовь всегда несёт несчастье и беду.

А что же он? Считаю: «Любит иль не любит?»,
И отрываю в такт считалке лепестки.
Рука безжалостно красу ромашки губит –
Судьба моя в слепых движениях руки.

Ромашку белую теперь обожествляю,
Она хранит мою заветную мечту.
Последний раз сегодня тайно примеряю
Я перед свадьбой белоснежную фату.

Импровизация

На пожелтевшем фото в платье подвенечном,
Стоит девчоночка со статным женихом.
И на листке линованном слова о вечном –
История любви, поведена стихом.

КАТЕРИНА

Глаза беспечные,
Душа безгрешная –
Любовь поёт.
Девчонка русая,
Веснянка вешняя,
В толпе идёт.

Припев.

Косынка, словно парус алый...
И что-то сердцу подсказало:
Идёт Ассоль из сказки Грина,
В реальной жизни Катерина.

А я растерянный
Глазами хлопаю
Девчонке вслед.
А я молоденький
Стою как вкопанный, –
Девчонки нет.

Припев.

Косынка, словно парус алый...
И что-то сердцу подсказало:
Идёт Ассоль из сказки Грина,
В реальной жизни Катерина.

Лечу под парусом,
Бродяга старый я,

Ищу Ассоль.

И берег ветренный,

И тучи грозные,

И в сердце боль.

Так не бывает, не бывает,

Любовь совсем не исчезает.

Мне улыбается невинно

Моя невеста Катерина.

МОСКВА – НЬЮ-ЙОРК

В чём же дело? В чём же дело?

Почему же ты молчишь?

Вновь посланье улетело,

А в ответ всё та же тишь.

Между нами снова мили,

Часовые пояса.

Не встречаются в эфире

Прежней жизни голоса.

Припев. Москва – Нью-Йорк, Нью-Йорк – Москва –
Любви проторенный маршрут.

Москва – Нью-Йорк, Нью-Йорк – Москва, –
Сердца влюблённых встречи ждут.

У меня настало утро,

У тебя – глухая ночь.

Мир устроен очень мудро,

Всё возможно превозмочь.

Смс-ку посылаю:

«Я лечу к тебе, лечу!».

Милый мой, я знаю, знаю,

Всё влюблённым по плечу.

Припев.

ТАИНСТВО НОЧИ

Горит и плавится свеча
И в сердце множится печаль.
А ночь светла и горяча,
И жизни жаль, и ночи жаль.

Припев.

И не понять, где ночь, где день, -
Растаял слабый свет свечи.
Всепоглощающая тень
Сокрыла таинство ночи.

И ночь, и день, как два крыла, –
Чем глубже тьма, тем ярче свет.
А ночи жаль, – в ней ты была,
И жизни жаль, – тебя в ней нет.

Припев (2 раза) .

ПРОСТИ

В саду цветы побило градом,
Раскаты грома в тяжких снах.
Не обижай сердитым взглядом, -
В нём боли больше, чем в словах.

Припев. Прости! За что? Я сам не знаю.
Кто в этой жизни не грешит?
А я?.. А я тебя прощаю,
И пусть... Пусть Бог тебя простит.

Стою я в мыслях на коленях, —
Опять виновен без вины.
В саду затихло птичье пенье
В разгар ликующей весны.

Припев (2 раза).

РОЖДЕНИЕ ВИНА

Подол приподнят юбки пёстрой,
На ножках каплями рубин,
И бесконечность страсти острой, –
И кто здесь раб, кто господин?

Разгул немислимых фантазий
И страсти спрятанной разгул,
И в мыслях нет ни капли грязи
И стыд как будто бы уснул.

Припев.

Вино! Твоё предназначение –
Наполнить солнцем дух и кровь.
В душе восторженность горения
И неизбывная любовь.

И где любви моей пределы?
Хмельных рубинов звездопад.
И резво топчут ножки белы
В огромном чане виноград.

Прошу поднять свои бокалы
За жизнь с вином, за звездопад,
За резвы ножки, что топтали
В осеннем чане виноград!

Припев... (2 раза)

КОНИ

На лету скрипят полозья
И блестит летучий снег.
Пар клубится на морозе,
Заглушает шутки смех.

Припев.

Кони! Кони! Скачут кони!
Свет летит из под копыт,
Слёзы капаят в ладони, –
Плачет девушка навзрыд.

Тройка мчится, тройка мчится!
Снег двоится под луной.
Хороша в санях девица,
А жених вот – никакой!

Где он суженный, желанный?
Отчего туманна даль?
Посыпаем солью раны,
Обращаем сердце в сталь!

Припев (2 раза).

ВОЗВРАЩЕНИЕ ЛЮБВИ

Не притворяйтесь, вам не всё равно,
Былое снова вас волнует,
Влюбится вновь вам не грешно,
Судьба сегодня вас балует.

Вас выдаёт дрожание ресниц,
И вы дерзите от досады.
В глазах сирень и свет зарниц,
И свет в душе от ваших взглядов.

Припев: Немного жаль, что пролетело столько лет,
Но обрели вы счастье встречи.
И пусть, и пусть в сердцах закатный свет,
Но бесконечен этот светлый вечер.

И солнце медленно уходит на закат,
И где-то тихо музыка играет.
Багрянцем дышит ваш осенний сад,
И вновь любовь ваш старый сад встречает.

Припев: Немного жаль, что пролетело столько лет,
Но обрели вы счастье встречи.
И пусть, и пусть в сердцах закатный свет,
Но бесконечен этот светлый вечер. (2 раза)

ПОСЛЕДНИЙ ПОЦЕЛУЙ

Последний поцелуй,
Последнее «прощай»,
Последнее «люблю» –
Земной желанный рай.

И новой жизни ад,
И старой жизни боль.
Тебя хочу забыть,
Вернуть тебе любовь.

Припев. Бессилен разум мой
Ведь сердцу не понять,
Что нам не быть вдвоём, –
Любовь мне не унять.

Последний поцелуй,
Последнее «прощай»,
Последнее «люблю» –
Земной последний рай.

Припев. (2 раза)

МИГ ЛЮБВИ

От глаз смеющихся твоих
Повеяло безбрежной страстью, -
Я повторю забытый стих –
Молитву призрачному счастью.

Припев. Пусть пять минут – они мои...
Зачем нам годы расставаний?
Ведь этот миг твоей любви
Дороже тысячи свиданий.

Во тьме земной – вселенский свет,
И что мне чьи-то разговоры?!
Любовь не знает слова «нет»
И не страшны ей приговоры.

Припев.

Импровизация

Припев.

ПОСВЯЩЕНИЕ

В небе тёмном внезапно сгорела звезда,
Озарив на мгновение бескрайнюю даль.
Улетела живая душа навсегда,
Унеслась в бесконечность земная печаль.

В небе вечном живут мириады светил,
Но ищу я печальной звезды дивный свет.
Без неё мне простор необъятный не мил,
Без неё мне теперь неба звёздного нет.

Подбираю слова, рифмы с неба летят,
Песня вслед за звездой устремляется ввысь.
Я за песней лечу, возвращаюсь назад –
Прекращается жизнь, начинается жизнь...

В небе тёмном внезапно сгорела звезда,
Озарив на мгновение бескрайнюю даль.
Улетела живая душа навсегда
Унеслась в бесконечность земная печаль.

НА МУЗЫКУ НИКОЛАЯ ШЕРШНЯ
(Россия)

СНЕГ

Кто-то сыплет снег на землю, –
Затерялся я в снегах,
Кто-то что-то перепутал
На высоких небесах.

Снег на крыше, на деревьях,
В стылом сердце тоже снег.
И я снег в сердцах ругаю
Взяв на душу тяжкий грех.

Если снег идёт, так надо,
И ругаться ни к чему.
Наслаждаться буду снегом.
Решено. Быть по сему.

2 раза: Снег идёт, а мы гуляем,
В мире я счастливей всех.
Я любовь сегодня встретил,
А всему причиной снег.

Кто-то сыплет снег на землю, –
Затерялся я в снегах,
Кто-то что-то перепутал
На высоких небесах.

Снег на крыше, на деревьях,
В стылом сердце тоже снег.
И я снег в сердцах ругаю,
Взяв на душу тяжкий грех.

2 раза: Снег на крыше, на деревьях,
В стылом сердце тоже снег.

ЧУЖАЯ ЖЕНА

С тебя хочу писать картины,
В стихах улыбку воспевать.
Ах, пожалей беднягу, Зина,
Позволь тебя поцеловать.

Пускай ты женщина чужая,
И чья-то, может быть, жена,
Смотрюсь в тебя, стыда не зная,
Душа пьянеет без вина.

Припев: «Ах, Зина, Зина, Зинаида», –
 Поёт восторженно душа.
 Ах, Зинаида, Зинаида,
 Ну, до чего ж ты хороша!

А ты, то вдруг нахмуришь брови,
Стрельнёшь глазами невзначай,
И начинается жизнь внове,
И улыбается февраль.

По-сумасшедшему ревную
Тебя я к каждому столбу!
Люблю я женщину чужую,
Люблю чужую я судьбу.

До неприличия красива,
До невозможности скромна,
Меня целует чудо-дива,
Чужая страстная жена.

Припев (2 р.): «Ах, Зина, Зина, Зинаида», –
 Поёт восторженно душа.
 Ах, Зинаида, Зинаида,
 Ну, до чего ж ты хороша!

ЛИДИЯ

Не тебя ль во сне увидел я?
Не тебя ли целовал?
Напевает море: «Лидия!»,
И грохочет пенный вал.

Осень память заморочила
И прикинулась весной.
Вижу я весну воочию
Вновь осеннею порой.

Припев: Напевает сердце: «Лидия!»,
Расцветает краснотал.
Как давно тебя не видел я!
Как давно не целовал.
Напевает сердце: «Лидия!»,
Расцветает краснотал.

Нёс вчера я околесицу,
Перепутав всё, что мог.
То моя натура бесится,
Как страдаю, знает Бог.

Ты, как парус, в даль бескрайнюю
Удалилась наяву.
За мечтою, за хрустальною,
На челне в ночи плыву.

Припев (3 р.) Напевает сердце: «Лидия!»,
Расцветает краснотал.
Как давно тебя не видел я!
Как давно не целовал.
Напевает сердце: «Лидия!»,
Расцветает краснотал.

МАСЛЕНИЦА

Вот тебе, вот тебе, вот тебе и раз!
Вот тебе, вот тебе, вот тебе и на!
Искры от восторга сыплются из глаз,
И двоится в небе полная луна.

Припев.

Сани лихо мчатся, мчатся под уклон,
Звёзды в небе дальнем припустили в пляс,
Слышится весёлый колокольный звон,
Вот тебе, вот тебе, вот тебе и раз!

Еду, еду, «еду к теще на блины»,
Ветками мне машет стройная сосна,
Клёны напевают песенки весны,
Вот тебе, вот тебе, вот тебе и на!

Припев.

Сани лихо мчатся, мчатся под уклон,
Звёзды в небе дальнем припустили в пляс,
Слышится весёлый колокольный звон,
Вот тебе, вот тебе, вот тебе и раз!

Блинное раздолье, вкусная еда,
Русское веселье, русская езда!
Блинное раздолье, вкусная еда,
Блинное раздолье, блинная страда!

НОВЫЕ ЛИРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ

ПЕРВЫЙ ПОЦЕЛУЙ

Самый первый поцелуй –
Страсти вознесение.
Слышу голос: «Не целуй
Колдовство весеннее».

Самый первый взрослый шаг –
И начало взрослости.
Я скольжу, забыв свой страх,
По наклонной плоскости.

Улетаю к звёздам ввысь,
И парю в бездонности.
Предо мной другая жизнь –
Чувство невесомости.

Поцелуя первый вкус –
Мира сотворение.
Я срываю с твоих уст
Колдовство весеннее.

ТЫ И Я

Два дня с тобой уже знакомы,
Два дня для нас почти что вечность.
Хоть часты встречи-расставанья,
Но две минуты опозданья
Для нас почти что бесконечность.

Два дня с тобой уже знакомы,
И беспрестанно мы болтаем.
В кафе на площади Почтовой
Бегу к тебе с причёской новой,
Мы в невесомости летаем.

Припев: Могла ли я, могла ли я,
Поверить, что ты есть на свете.
И я, и ты, и ты и я –
Мы словно маленькие дети.

Два дня с тобой уже знакомы,
Ты не со мной и мне тревожно.
Ты – как любимая игрушка.
Ты – верный друг, ты мне подружка,
И без тебя жить невозможно

Два дня с тобой уже знакомы, –
Два сердца, но одно дыханье.
Одни и те же песни любим,
Одно и то же шепчут губы –
Любви светящейся признание.

Припев: Могла ли я, могла ли я,
Поверить, что ты есть на свете.
И я, и ты, и ты и я –
Мы словно маленькие дети.

НЕ ХЛЕБОМ ЕДИНЫМ...

Не хлебом единым живёт человек,
А с песней душа не черствеет.
Не хлебом единым живёт человек,
Без сердца и хлеб не созреет.

Бегу по тропинке среди васильков
В стране позабытого лета.
И слышу как будто из прошлого зов:
«Родная, любимая, где ты?»

Без прошлого кто мы, без близких людей,
Без слов и любви своей мамы?..
Поёт на вечерней заре соловей, –
Плывёт лунный свет над садами.

Вот сын уже взрослый, а сердце поёт,
Поёт вместе с сыном дуэтом.
И чуда, как прежде, душа моя ждёт,
Встречаясь с серебряным летом.

Стою вновь на сцене, как было не раз,
Любовь мне навстречу из зала.
Чтоб видеть улыбки и свет ваших глаз,
Я песню спою вам сначала.

Не хлебом единым живёт человек, –
Я с вами, я с вами, я с вами.
«Не хлебом единым живёт человек», –
Я помню слова моей мамы.

ДЕВИЧЬИ ФАНТАЗИИ

Белая стена,
Чистые узоры
Не моя вина,
Что я с милым в соре.

Катится слеза,
Надуваю губки.
Прячу я глаза, –
Пожалей голубку.

Топчется вокруг,
Милый виновато.
Улыбаюсь вдруг,
Убегаю в хату.

Затеплю свечу, –
Огонёк всё скажет.
Замуж я хочу,
Очень, очень даже.

Белая стена
Свадьбе не помеха.
Сводница луна
Корчится от смеха.

Милый по утру
Свататься нагрянет.
Я в огне горю, –
Сердце не обманет.

Осень листья все спалила
И унылость принесла.
Я молилась, я молила,
Чтоб скорей тоска ушла.

Уняла моим молениям
Осень. Но пошли дожди.
Вновь печали и сомненья, –
Что же будет впереди?

Я молила, я молилась
И мне осень шанс дала, –
Беззаветно я влюбилась
И тоска навек ушла.

Пляшет осень золотая,
Лист кружится над землёй...
Я теперь уже другая, –
Рядом спутник мой седой.

ПЕСНЯ ПОКИНУТОЙ ДЕВУШКИ

Завяли пурпурные розы:
Убил их злословия яд.
Как вынуть из сердца занозу? –
Как сделать счастливым мой сад?

В саду, где с любимым гуляли,
В унылости сохнет наш пруд.
На скучной скамейке печали
В слезах ожиданья живут.

И в кроне огромного клёна,
Где было гнездо соловья,
Злорадствует громко ворона,
Таится под дубом змея.

Но всё переменится, верю,
Водою наполнится пруд, –
Открою я милому двери, –
Печали из сада уйдут.

ЖЕСТОКИЙ РОМАНС

Какие красочные ночи!
В сиянье звёздном небосвод,
Но где-то гром уже грохочет
И боль потери сердце рвёт.

Отказом вы меня убили,
Но жизнь моя вам ни к чему.
Любили вы иль не любили?
Я, право... право не пойму.

Вы мне приснились прошлой ночью.
О Боже! Как же вас люблю!
Но всё сильнее гром грохочет, –
Себя и вас я погублю.

ТУЛЬСКИЕ НАПЕВЫ

Пряники из Тулы,
Корочка хрустит.
В облаке гламура
Девушка стоит.

Тульская причёска,
Нежности овал.
Тульская гармошка,
Тульский самовар.

Тульские напевы,
Тульский перепляс.
Гордой стати дева –
Колдовство из глаз.

В славный город Тулу
Едут женихи.
Сладкие посулы,
Лёгкие грехи.

Двери нараспашку –
Привечай гостей.
Под гармошку пляски
Взрослых и детей.

Потчuem всех кашей,
Милости, – за стол.
Ту, что неба краше,
Молодец увёл.

От любви лекарство
Неудачник пьёт.
В тридевятиом царстве
Красота живёт.

Дюжину, не меньше,
Дай ей Бог детей.
Лучшая из женщин,
Ясный свет очей.

Улетают девы, –
Женихам урон.
Слушали напевы –
Низкий вам поклон.

В МОРЕ С МИЛОЙ МЫ ВДВОЁМ

В небе солнце дышит жаром,
Невозможно жар терпеть.
Эй, на небе! Кочегары!
Кто вас нанял? Может, смерть?

От жары лихой спасаюсь
И, как в детстве, нагишом
В море чистое бросаюсь
И пронзаю море лбом.

Брызги волн. Восторг прохлады,
В глубине морской плыву.
Мне дельфином стать бы надо,
Без воды не проживу.

В небе солнце дышит жаром –
С морем жар мне ни почём.
Эй, поддайте, кочегары,
В море с милой мы вдвоём.

НОЧНАЯ ГОСТЬЯ

У меня ночная гостья,
Угощаю гостью чаем.
Между нами зыбкий мостик,
Мы над пропастью летаем.

Осторожен я в беседе,
Не касаюсь тем запретных.
«Да, мадам... Простите, леди»,
Избегаю слов конкретных.

И в глаза боюсь ей глянуть,
Там такое в них твориться...
Сам себе кажусь я пьяным,
Как в неё мне не влюбиться!

Всё свершается, – в объятья
Попадаю к ней, о, счастье!
За столом и на кровати
Я в плену у буйной страсти.

И теперь как полуночник
Я смотрюсь в окно ночами.
Жду мою ночную гостью
С чёрно-жгучими глазами.

